

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 3
volume 3**

**Центр
"Петербургское Востоковедение"**

**Санкт-Петербург
1993**

И. А. Алимов

Материалы к истории сунских бицзи

Чжу Юй
"Из бесед в Пинчжоу"
("Пинчжоу кэтань")

Цзюань первая

(1) В годы Юань-фэн (1078 - 1086), когда мой покойный батюшка служил на должности правого историка, император Шэнь-цзун, отправляя чиновников бороться с разливом реки Синьхэ, что в области Чучжоу, лично дал им такие наставления: "Жители юго-востока не любят чрезмерных повинностей, и вы должны заботиться о судьбе солдат и народа". Просты и ясны были слова великого государя!

(2) На шестой год Юань-фэн (1083), во время зимних жертвоприношений, мой покойный батюшка руководил высочайшим выездом. Подали императорский экипаж, и оказалось, что туда забыли положить одеяла и тюфяки. Батюшка тут же послал за всем этим. Император же, увидев, в чём задержка, ничем не выказал неудовольствия, а заговорил со свитой. Через самое короткое время тюфяки были доставлены. Тогда император взошёл в экипаж. Этот случай никому не был поставлен в вину. Вот какова была мудрость владыки!

(3) В начале годов Цзя-ю (1056-1063) Ху Цзун-яо, моему дяде по материнской линии, подошло время для повышения в чине - ему следовал шестой ранг третьей степени - и дядю вызвали на высочайшую аудиенцию. Жэнь-цзун спросил, из какого рода дядя происходит, и кто-то доложил, что он - сын шумиши Ху Шэ. Последовал рескрипт: "Отложить повышение в ранге до возвращения из очередного назначения". А когда подошёл срок, и были собраны документы подлежащих повышению чиновников, императорский уполномоченный по оглашению высочайших указов опять не упомянул дядю - из-за того, что он превышал меру наказаний и привлекал к ответственности родных и близких преступников. То же самое было и на трёх других аудиенциях.

Прошло более десяти лет. Кто-то из сановников стал снова хлопотать за дядю, но Владыка отвечал: "Этот человек губил Наш народ. Нельзя его повышать!".

(6) В отношении чиновничества у первого министра установлены твёрдые правила. В зале заседний министров имеют право сидеть высшие столичные чиновники, кандидаты же на пост докладывают стоя. На приёмах в частной резиденции первого министра дозволено сидеть даже кандидатам - ведь их принимают как гостей. Высшим военным и гражданским чиновникам подают чай и угощение, скамеечку для ног, зимой ставят печку, летом обмахивают веером. Это называется "прислуживать вершащим дела". А прочим чиновникам подают лишь чай, и это называют "прислуживать не вершащим дела".

(7) Чай распространился при династии Тан. Вкус его сначала был горек, а потом стал сладким. Поздно собранный чай называют *мин*. По распространённому сейчас обычаю, гостю, когда он только пришёл, дают выпить чая, а перед уходом угощают отваром. Отвар готовится из измельчённых лекарственных средств и ароматных трав, подают его тёплым или холодным и всегда кладут в него траву солодку. Такой отвар широко распространён в Поднебесной.

А когда мой покойный батюшка был послом в Ляо, тамошние жители, по своим обычаям, встречали его отваром, а провожали - чаем. Даже на пиру у них и то сначала дают выпить воды, и лишь потом вносят лакомства. В Серединном государстве так не принято, это противоречит правилам.

(11) Цзя-ван по имени Хао, младший брат Юй-лина, имел пристрастие к чтению книг. В годы Юань-фэн он несколько раз подавал Владыке доклады с рассуждениями о государственных делах. Кто-то из секретарей заметил ему с укором: "Ведь вы - великий князь, младший брат Сына Неба, вы - не из ряда слуг у ног Владыки. Вы полностью поглощены книгами, и от этого расцвела ваша добродетель. Но вот уже несколько раз вы высказываете свои особые суждения, а это не может не беспокоить вдовствующую императрицу!"

Цзя-ван испугался и осознал глубину своей дерзости. С этих пор он стал интересоваться только медицинскими сочинениями и обсуждал с приближёнными исключительно рецепты отваров и настоев. Императорский двор по достоинству оценил его страсть к древности и даже издал специальный эдикт, восхваляющий великого князя. И ныне у лекарей ещё в ходу "Собрание рецептов Цзя-вана".

(12) В годы Си-нин (1068-1077) впервые вышел указ о том, чтобы в экзаменах участвовала и высшая знать; в годы Да-гуань (1107-1110) в дворцовых испытаниях приняли участие некоторые евнухи; на восьмой год Чжэн-хэ (1118) в дворцовых экзаменах приняли участие императорские отпрыски. Из знати первым выдержавшим такой экзамен стал Линь-шо; из евнухов первым стал Лян Ши-чэн; из императорских родственников - Цзя-ван, по имени Се.

Рассказывают, что дворцовые экзамены для чиновников называли "испытаниями в закрытом зале" и обычно не обнародовали имена первых среди выдержавших их... Когда на экзаменационной доске года *моу-суй* (1118) первым оказался Цзя-ван, вторым - *дэншилан* Ван Ан, третьим - Янь Тянь-сюань, Владыка повелел: "Экзаменаторы первым определили быть Цзя-вану по имени Се, но Мы не хотим, чтобы он стал первым в Поднебесной, и посему пусть список возглавит второй среди выдержавших". Так вышло, что объявлять выдержавших испытания в закрытом зале начали с Ван Ана.

(13) Императорских дочерей называют *гунчжу* (великая княжна), а императорских зятей производят в должность *фума дувэй* - управляющих пристяжными императорского выезда. Близких родственников называют *цзюаньчжу*, т.е. принцессы первого ранга, *сяньчжу*, т.е. принцессы второго ранга, а их мужей в просторечии называют *цзюньма* и *сяньма*, в чём нет никакого смысла.

Женщин в императорском роду всегда было много, и в приказе, ведающем делами императорской родни (Цзунчжэнсы), несколько десятков чиновников занимаются только их брачными делами. Поначалу эти браки не ограничивались лишь кругом высшей знати, и многие из богатых домов обращались со сватовством к императорским родственницам. Доходило до того, что столичные богатеи вроде датунских Чжанов в своей семье имели более тридцати *сяньчжу*!

(15) При нынешней династии только те, у кого есть один из пяти рангов знатности - *гун*, *хоу*, *бо*, *цзы* и *нань* - могут обладать также титулом *кай го* соответствующего округа или уезда, а что до тех, кто пожалован титулом *го гун*, то их называют "гун такого-то удела". Сначала жалуют маленькие уделы, потом - большие, и так отмечают возросшую добродетель. Но, бывает, долго не жалуют следующее владение.

Вот Вэнь Янь-бо - сначала был пожалован титулом Лого-гуна, и тридцать лет после этого не удостоивался другого пожалования, а Ван Ань-ши сначала получил титул Шуго-гуна, потом - Цзинго-гуна, и посмертно был возведен в ранг Шу-вана. Ему было два

пожалования. Цай Цзин был пожалован титулом Цзяго-гуна, потом - Вэйго-гуна, Чуго-гуна, Лугу-гуна, всего четырьмя владениями. Да потом ещё - Чэньго-гуна, но этого господин не принял. Хэ Чжичжун был пожалован титулом Жунго-гуна и пять лет после этого не удостоивался нового пожалования. Он скончался на служебном посту и посмертно ему был дарован титул Цинюаньцзюнь-вана, но такое случается редко.

В начале годов под девизом Юань-ю (1086-1093) Сыма Гуан был пожалован титулом Вэньго-гуна. Знатоки видят в этом намёк на то, что к его прямоте и принципиальности следовало бы добавить ещё и мягкость (*вэнь*). У Дун-по в стихотворении "Песнь о конопле" говорится: "Пожалован владением в Вэнь, чтобы прославить прямоту и добродетель".

В начале годов Чун-нин (1102-1106) Цзэн Бу за взятки был снят с министерского поста и сослан на должность *сыху цаньцзюня* в область Ляньчжоу. Знатоки говорят, что название области - Лянь (неподкупность) выбрано было в укор его продажности. Но думали ли об этом власти предрекающие на самом деле?

(17) Установления таковы: у чинов с жалованием, но без должности (*цзилугуань*) третьего ранга - пурпурная одежда и золотая рыбка на поясе; пятого ранга - малиновая одежда и серебряная рыбка. Чиновники на должности (*чжишигуань*), даже если и занимают высокое положение, не имеют права /носить подобное/ без особого пожалования. Но даже если и есть такое пожалование, а чиновник не обладает рангом таким же, как *цзилугуань*, то он носит рыбку на поясе только при исполнении служебных обязанностей. Для *цзилугуань* это не обязательно.

А некоторые из служащих в провинции чиновников "заимствуют" цвет одежды, но не носят на поясе рыбок. Это называется "одолжить цвет". Когда кому-то пожаловано /право носить одежду такого-то/ цвета, говорят, что "пожалован цвет". Эмиссары по перевозке налогов в столицу, их заместители, надзиратели за наказаниями и тюрьмами, командующие областными войсками "заимствуют" только малиновый цвет, помощники провинциальных налоговых эмиссаров и помощники начальников областей тоже носят малиновое.

Начиная с первых годов под девизом правления Чун-нин, когда были учреждены различные должности для чиновников *тицзюй*; заимствовать малиновый цвет стали лишь *тицзюй сюэши* и *тицзюй чанпин*, а прочие носили одежду положенного по рангу цвета. После того, как чиновники *тицзюй* были объединены, те из них, кто "заимствовал" цвет по рангу, "дождавшись срока возвра-

щения, облачаются в одежды того цвета, который носили ранее". Распрощавшись со двором и покинув пределы столицы, они носили одежду "заимствованного" цвета, а, вернувшись на службу в столицу, облачались в цвет, соответствующий рангу. По нынешним порядкам, "заимствующие цвет", как и в былые времена, носят рыбку на поясе.

Когда Люй Гун-чжу служил начальником области, он "заимствовал" пурпурный цвет, а позже, заняв вакантный пост помощника провинциального эмиссара по рангу уже не имел права носить пурпурное, но всё равно продолжал облачаться в платье этого цвета.

Когда Ма Юй-цин управлял областью Пэнчжоу, он носил пурпурное платье. Потом он вернулся в департамент за новым назначением. По табели о рангах ему полагался пост помощника начальника области, но Ма, боясь потерять "заимствованный" цвет, не захотел принять такое назначение, попросился в отставку и сохранил за собой пурпурное платье. Обычно те, кому по рангу не положено "заимствовать" цвет, сами на это не осмеливаются.

(20) Если чиновники от *чаофэнлана* до *чаоцинлана* уходят в отставку, их должность наследуют сыновья. Те, у кого тяжело заболел или вообще умер кто-то из родных, часто испрашивают отставку, но, бывает, скрывают траур и даже подделывают письма, якобы написанные недавно. Закон к ним безжалостен.

Когда в начале годов Да-гуань умер начальник отделения в *Шибу шаншу* Чжан Кэ-гун (второе имя Цзянь-янь), его потомкам были оказаны щедрые милости, а позже это правило было изменено.

(22) Среди столичных чиновников только первый министр и императорские родственники ездят под зонтами. Зонты называют *чжун тай* - "тяжёлый покров". А в прежние времена за лошадьми от *чжичжигао* до инспекторов носили большие круглые опахала, и закрывали ими едущих от солнца. В годы Шао-шэн (1094-1097) Владыка, будучи на угловой башне во дворце, увидел, что за чиновничьими лошадьми носят опахала, и спросил, как это называется. Евнух ошибочно отвечал, что это веера, и Владыка изрёк: "Не следует Нашим подданным этим пользоваться!"

С тех пор опахала запретили.

(24) Подушки для сидения из шкур животного жун (*жун цзо*) дозволяется иметь только высшим сановникам - не ниже *чжичжигао* у гражданский чинов и генерал-губернаторов у военных. На таких подушках начинают сидеть с девятой луны - и так вплоть до третьей. Установленного дня нет, и как только станет известно, что

первый министр уже стал садиться на такую подушку, то и все начинают ими пользоваться. И заканчивают так же.

Животное жун напоминает большую обезьяну и живёт в реках. Самая длинная шерсть у него на спине, по цвету она похожа на жёлтое золото. Жунов ловят и кроют подушки. Из нескольких десятков шкур выходила одна подушка, и её цена достигала тысяч. С обратной стороны на подушку ставят пурпурный тонкий шёлк, окантовывают парчой, тканной способом "четыре золотых орла". Особых отличий тут не бывает.

В годы Чжэн-хэ одного сановника, у которого давно подошёл срок повышения по службе, должны были назначить на пост чжи-чжигао. Он заранее заказал себе подушку из меха жуна, но этого показалось ему мало: он, опережая события, стал уже ею пользоваться, - и получил отставку!

Говорят, мех жуна, если на нём сидеть, не мнёт одежды. Мой покойный батюшка, будучи послан в Ляо, занимал пост чжи-чжигао и сидел на жуновой подушке. Потомки же военных чинов сидят на подушках из пурпурного шёлка. Рассказывают, что чиновник, не будучи чжи-чжигао, мог сидеть на жуновой подушке и под открытым зонтом, в золотом поясе и с золотой рыбкой, только по специальному указу. Так, в годы Да-гуань вышел указ о том, что имеют право сидеть на жуновой подушке *либу шаншу* Чжэн Юань-чжун и генерал-губернатор Фэннина Тун Гуань.

(29) В годы Юань-ю началось "движение к прежнему". Мой батюшка был не в ладах с Су Чжэ. Батюшка управлял Лучжоу, когда У Чоу, человек из окружения Су, был назначен в его область заведующим делами образования. У Чоу стал возводить на батюшку напраслину, а Су Чжэ поддержал его при дворе, и батюшку понизили, послав управлять областью Шоучжоу.

Впоследствии в Гуанчжоу батюшка случайно встретился с Дун-по, и они показали друг другу свои сочинения. Потом, когда батюшка совершил проступок, Фань Чжи-суй, второе имя Син-цзэ, сложил для него стихотворение "цы" и там говорилось:

"Льстиво дружбу свел с Ши и Чжэ,
Вместе с ними пел.
Угодливо подстраивался к Ань и Ли,
Выдвинуться тайно мечтал".

Кто-то рассказал Фаню о том, что вышло у батюшки с Су Чжэ, и Фань на это отвечал:

- Я и сам об этом знаю. Но ведь существуют законы стихосложения - я хотел избежать односторонности и соблюсти параллелизм!

А ведь Фань учился у моего батюшки! Некоторые стали подозревать, что он, как говорится, повернулся спиной к своему учителю. Но, что до государственных дел, тот тут Фань своими поступками показывал, что он не из тех, кто, что называется, угодливо швыряет камни.

(31) Цянь Юй (второе имя Дэ-суй) был назначен историографом-летописцем и в конце годов Юань-фу (1098-1100) сделал выпад против Цзэн Бу, подав несколько докладов Владыке. Тут как раз заболел его сын. Сын скончался ночью, а наутро Дэ-сую было назначено прибыть на аудиенцию для доклада. Дэ-суй бросил все домашние дела и поехал ко двору. Только вернувшись, он принялся оплакивать сына. При дворе ему очень сочувствовали.

Цзэн Бу потерпел поражение, и Дэ-суй был назначен на пост министра. В стихах об этом сказано так:

"В трудный момент личным горем пренебрёг.
По сыну скорбя, жалость он подавил".

Вскоре Дэ-суй был переведен на должность *гунбу шаншу*, но, что называется, утерял путь к слуху правителя, подчинённые стали выступать против Дэ-сую, говоря, что в корыстных целях он скрыл траур по сыну. Это Дэ-сую поставили в вину. Было сложено даже несколько стихотворений, укоряющих его в стремлении сделать карьеру. Говорили даже:

"Скрыл траур, об аудиенции прося.
Докучал пустяками на открытой террасе".

Дэ-суй надолго устранился от дел, и до конца дней своих уже высоко не поднимался.

(32) Когда Шу Дань был начальником в Линьхае, однажды какой-то лучник напился пьян и принялся буяннить во дворе. Дань велел побить его палками, но это не помогло. Тогда Дань велел взять большие батоги... Лучник заорал, что ему хотят сломать позвоночник. Дань велел служащим бить его по спине. "Вы не посмеете убить меня!" - всё орал лучник. Тут Дань выхватил меч и обезглавил его.

На Даня подали жалобу, и она дошла до Владыки. А двор в то время как раз искал необычных людей. Дань произвёл очень

благоприятное впечатление, и императорской канцелярии было поручено проверить обстоятельства его дела.

Дань обладал величественной внешностью, эрудицией, был скор на язык и понравился Ван Цзин-гуну с первого взгляда. Ван Цзин-гун представил Даня императору, последовал указ. Дань стремительно возвысился и в кратчайший срок достиг поста начальника цензората, хотя то, что он убил лучника, и вызвало немалый гнев.

Когда первый министр Ван Гуй был начальником в столице, он послал чиновников, чтоб те доставили бочку для купания прямо в Восточное управление. Дань, человек щепетильный в отношении законов, счёл это проступком. А позже он сам оказался под следствием - Даню вменялось в вину, что он жжёт в своем доме взятые в императорском дворце свечи, стремясь на этом сэкономить. Шэнь-цзун, сочтя эту вину маловероятной, заметил: "Да мог ли Дань красть свечи!"

"Если Дань был равнодушен к свечам, тогда и Ван Гуй не любил деревянные жбаны для купания!" - отвечал кто-то из свиты.

Шу Дань был наказан по справедливости, слава его иссякла и карьера кончилась. Он поселился на родине, жил очень бедно, добывая пропитание преподаванием и получая за это сушёное мясо. Так прошло восемнадцать лет.

В годы Юань-ю установилось правление "из-за занавеса", и малолетнего наследника стали баловать. Было учреждено управление Сулисо, и начали, что называется, отмывать от грязи тех, кто имел проступки перед прежним правителем. Мелкие людишки наперебой кинулись оправдывать себя и, невзирая на лица, свирепствовали в наказаниях, чтобы доказать свою преданность новому правлению. Один только Шу Дань ни слова не сказал в свое оправдание, и, по-прежнему, оставался в забвении.

В годы Шао-шэн на Даня вновь обратили внимание и мало-помалу стали привлекать к службе, но он ещё опасался всеобщего негодования. В год *гэн-чэнь*, как говорится, взлетел дракон, и Дань, наконец, был назначен командиром укреплённого лагеря, а тут как раз варвары в Цзинь стали учинять злодеяния, и Даня перевели на должность главнокомандующего в Наньцзюнь. Потом его ещё назначили на пост придворного советника, но Дань умер и в должность вступить не успел.

(34) Существует обычай, по которому по смерти первого министра император осчастлививает своим присутствием церемонию принесения в жертву предкам вина в его доме, и если он в это время отогнёт полог и посмотрит на тело усопшего, то тогда всю привезённую для церемонии императорскую золотую посуду дарят

семье покойного, а если император не подойдет к пологу, то специальные чиновники забирают посуду обратно во дворец.

В годы Юань-фэн первый министр У Чун скончался в своей частной резиденции. Владыка осчастливил церемонию своим присутствием. Супруга У Чуна, госпожа Ли, босиком вышла в зал и, склонив голову, проговорила:

- У Чун был беден, два сына его - всего лишь чиновники второго класса. Прошу выдать денег на проведение траура, как обычно полагается чжичжигао.

Владыка милостиво позволил. Но так как из-за появления госпожи Ли церемония оказалась несколько смятой, он не подошёл к пологу, и когда императорский поезд убыл, чиновники собрали посуду, чаши и увезли. Положенная сумма была исчислена с великой точностью и выплачена сыновьям покойного.

Незачем было торопиться. Потому и говорят, что нельзя получить больше того, что чиновнику положено.

(36) Мой покойный батюшка жил в бедности. В годы Юань-фэн он долго служил на должности историографа-летописца, так что не хватало, как говорится, лакомых блюд для родни. Тогда батюшка стал проситься на вакантное место в провинции.

Император Шэнь-цзун знал о его затруднениях. В это время он как раз намеревался даровать наложнице титул *гуйфэй* - супруги второго класса. По обычаю приказ о присвоении титула подносит чжичжигао, а оглашает - первый министр. Тут вдруг против установленных правил подносить указ назначили батюшку, а оглашать - *мэнься шилана* Чжан Дуня. Фаворит императора, Фэн Цзун-дао, доверительно сообщил батюшке: "Владыке ведомо, что вы нуждаетесь в средствах. Это очень почётная церемония, и после вас щедро наградят".

Но когда церемония была совершена, батюшку, вопреки ожиданиям, наградили не так, как одаривают подносящих указ, а - лишь вином и едой!

(38) Мой двоюродный дядя по материнской линии, Юань Инчжун, обладал обширными познаниями и в своё время был знаменит. Но он был настолько безобразен с виду, что никто из придворных не осмеливался представить его трону.

В годы Шао-шэн Цай Юань-ду замолвил за дядю словечко и получил дозволение привести его на аудиенцию. А у Юаня плечи были вздёрнутые как у коршуна, высокий лоб и острый подбородок, на лице - много чёрных пятен: издали казалось, что его забрызгали тушью. Голос - хриплый, да ещё уский акцент...

Едва взглянув на Юаня, Чжэ-цзун объявил его великим уродом. Юань в замешательстве не смог произнести ни слова и ушёл ни с чем. Чиновники злословили, что Юань получил указ об уродстве.

(40) По нынешним установлениям, в центре и провинциях служащим хранилищ, судебным и тюремным чиновникам, провинциальным инспекторам, попечителям учебных заведений в свободные дни позволено принимать гостей и делать визиты. В столице же членам цензората, чиновникам из свиты императора и выше, в свободные от службы дни разрешено принимать визитёров, но не дозволяется выезжать с визитами. Это называется "запрет на визиты". Зато у *шидафу* визиты входят в круг служебных обязанностей, и каждый свободный день они вручают свои визитные карточки, с рассвета до заката объезжая дома высокопоставленных лиц. А в столице и её окрестностях множество частных резиденций, одни - далеко, другие - ближе, так что за целый день, хоть стараешься изо всех сил, удастся посетить лишь несколько десятков домов. Нередко *шидафу* просят привратников принять визитную карточку с тем, чтобы имя визитёра лишь включили в список гостей, а на личной встрече с хозяином уже и не настаивают. Привратники же, получив карточку, или выбрасывают её или забывают передать для включения в список, так что лучше, конечно, увидаться с хозяином лично. А у ворот особо знатных особ привратники требуют подношений, на малую сумму даже и не глядят - легко попасть впросак!

Когда Цзя Гун-гунь, родом из Синго, вернулся из столицы, я стал его расспрашивать о тамошних ценах, и Цзя отвечал:

- Всё сильно вздорожало, только *шидафу* - дешёвы! - он, наверное, имел в виду тех, которые непременно стремятся выдвинуться.

А ещё я слышал, что однажды, когда Цай Юань-чан (он тогда служил в Совете Двора) просматривал список визитёров, он обнаружил имя одного придворного - каждый раз оно было первым на протяжении нескольких месяцев! Удивившись, Юань-чан вызвал этого человека к себе, побеседовал - оказалось, достойный человек. Юань-чан рекомендовал его, и он стал крупным чиновником.

Придворный лекарь Янь Тянь-сюань в своё время третьим выдержал экзамены и решил нанести визит Юань-чану. Но увидеть хозяина Тянь-сюаню не удалось, и он следом за распорядителем вошёл во двор Даошиюань. Юань-чан там как раз принимал посетителей. Чиновники, видя, что Тянь-сюань не принадлежит к числу подданных Юань-чана, стали подталкивать его к выходу. Но Тянь-сюань не желал выходить, и тогда чиновники хотели потихоньку

вывести его под руки, но Тянь-сюань ухватился за колонну и закричал:

- Янь Тянь-сюань явился на аудиенцию к наставнику наследника престола! - и стал отбиваться от чиновников. Потом вдруг повалился наземь. Юань-чан повелел подвести его к себе и сказал:

- Вы, господин, молоды, и уже выдержали высокий экзамен. Неужели вам мало этого! Что вы врываетесь сюда?

Тянь-сюань покраснел как рак и вышел. Его отправили в кай-фэнское управление для определения степени вины. Последовал специальный указ изъять имя Тянь-сюаня из списков чиновников, разжаловать и сослать на жительство под надзор в область Шэчжоу. С тех пор обычаи у учёных мужей стали понемногу меняться.

(43) Цай Цзин-фань и Янь Юань-сян в возрасте шести-семи лет на правах "божественных отроков" прислуживали в Восточных дворцах юному Жэнь-цзуну. Юань-сян с юных лет был принципиальным и прямым, а Цай - лстивым и мягким. Каждый раз, когда наследник престола проходил через ворота, Цай бросался наземь, чтобы наследнику легче было, встав ему на спину, перешагнуть порог. Когда же наследник вступил на престол, то оказал своё благоволение Юань-сяну и даже назначил его первым министром. А Цай так и не удостоился большой должности, и лишь по старой памяти был назначен начальником округа. Цай никогда не управлял по закону, на него всё время подавали жалобы с просьбой о смещении, но Владыка, которому имя Цая было знакомо, всегда говорил: "Цай - старый Наш придворный, поэтому повелеваем перевести его в другое место".

Когда в начале годов Юань-Фу Цай решил оставить службу, ему было уже восемьдесят лет! Цензорат поддержал его просьбу об отставке. В прощальном послании Цая говорилось нечто подобное: "Мне уже восемьдесят лет, и семьдесят пять из них я ем чиновничий хлеб".

Я же про это скажу: в жизни, конечно, можно сделать карьеру, но чтоб такую долгую - редко!

(45) В Жаочжоу "божественный отрок" из семьи Ду, как говорится, сбросил грубую одежду. Отец послал его в управление - с благодарностью. Мальчику исполнилось всего восемь или девять лет, и ожидавшие приёма сочли его простым ребенком.

- Что, пришёл поучиться искусству управления или просто грамоте? - с улыбкой спросил кто-то.

- Нет! - отвечал Ду. - Пришёл доложить о себе господину министру и спросить, не будет ли каких поручений по дому.

Спрашивавший прикусил язык.

(46) В годы Юань-фэн императору в специальном докладе сообщили, что во время дворцовых испытаний какой-то старик - ему уже перевалило за семьдесят - в экзаменационном сочинении написал: "Ваш подданный стар и не может слагать изящные строки. Низжайше желаю Вашему Величеству долгих-долгих лет жизни!"

Выслушав это, Владыка, растроганный искренностью старика, особым указом произвёл его в чиновники низкого ранга и пожаловал на пропитание до конца дней его.

(52) Однажды Цзы-чжань сказал моему покойному батюшке: "Когда в записях появляются удвоения иероглифа, обычно после первого знака пишут маленькое *эр* (два). Среди народных песен *юэфу* есть "Сээр дяогэ" - "Песнь под гусли *сэ*". Обычно я писал тут "сэсэ", но потом приехал в Хайнань и там встретил одного клеймённого солдата по имени Юань Си, который называл себя главой класса гуслей *сээр* в придворной школе актёров. С тех пор я знаю, что следует писать "сээр", а не "сэсэ".

Цзы-чжань, человек обширных познаний, был бодр и крепок даже в глубокой старости. Этот случай для него не характерен. Я сам в своё время посещал актёрскую школу и интересовался там всем, что связано с названием *сээр*. Мне объяснили, что в каждом музыкальном разряде у них второго по порядку музыканта называют *эр сэ* - второй в разряде, например: *ди эр* - вторая флейта *ди*, *чжэн эр* - вторые гусли *чжэн*. Так же и с гуслиями *сэ*. Не знаю, как же на самом деле.

(56) В годы Юань-Фэн старший цензор Шу Дань за проступок был исключён из чиновничьих списков. Карьера его прервалась. Шу нанял лодку, чтобы плыть на восток, на родину.

А в это время ко двору был вызван буддийский монах Цы-бэнь. Его хотели поселить на подворье Хуэйлинь. Цы-бэню было позволено ехать на почтовых лошадях.

Кто-то, узнав об этом и сочтя подобное необычайным, в шутку составил такую стихотворную пару:

"Министр в лодке из столицы отплывает.
Монах на лошадях в столицу мчится".

(57) В годы Да-гуань, когда члены придворной академии Ханьлинь преподносили двору новогодние благопожелания, какой-то *сюэши* сложил такие строки:

"Духи все и покойные предки
пусть пребывают в покое и радости.

Древа и травы, птицы и звери
пусть в изобилии будут!"

Парой для "покойных предков" он взял "птиц и зверей", а так - не должно, и это сочли проступком.

(59) В начале годов Сюань-хэ (1119-1125) в Цзинчжоу некий мелкий чиновник в буддийском монастыре увидел странные цветы, названия которых не знал.

- Их аромат настолько силён, что и близко не подойдешь! - сказал ему буддийский монах. По этому случаю чиновник сложил стихи:

"Горные цветы, красные и зелёные,
На закате дня особенно красивы!
Мне название их неведомо -
Ядовитые, лучше не трогать их".

Потом кто-то ссылаясь на эти стихи, оговорил автора перед налоговым эмиссаром Су:

- В Хунани все главные должностные лица в управлении перевозок налогов носят одежду малинового цвета, а остальные - зелёную, и никто - пурпурную. Вы среди нас самый старший, несколько раз терпели понижение в должности. Этот человек пишет про горные цветы, а на самом деле хочет посмеяться над вами!

Су пришёл в дикий гнев, но потом всё же не стал наказывать того чиновника.

(60) Когда Ван Цзе-фу жил в Цзиньлине, он сложил стихотворение "Курган господина Се", где говорилось:

Второе имя мое - такое же, как у Се.
Пред окнами моими - могильный его курган.
Ушёл Се, родился я, курган во владеньях моих.
И хоть фамилия мне не Се, он - образец для меня".

Это была могила цзиньского поэта Се Аня. Второе имя Се Аня было Ань-ши, а Цзе-фу тоже звали Ань-ши.

(61) Су Цзы-чжань был послан управлять Хуанчжоу. Он поселился в Дунпо, построил там Снежный Зал и взял себе псевдоним *Дунпо цзюйши* - Отшельник с Восточного Склона. Поэтому потомки стали звать Цзы-чжана Дун-по. То место ныне находится во владениях буддийского храма.

Когда Цзы-жань в годы Юань-ю управлял Ханчжоу, он соорудил на озере Сиху большую дамбу, и люди прозвали её "Дамба господина Су". Подчинённые Су на каменной стеле высекли текст, повествующий об этом. Но кое-кто в то время из зависти к высокому положению Цзы-чжана стал произносить *ти* (дамба) как *ди* (низкий, дурной). Вскоре Цзы-чжань был переведен на службу в другое место.

А когда госпожа Мэн стала императрицей, столичные жители на одежде и в украшениях стали изображать пару цикад, имея в виду семью Мэн, и знатоки утверждали, что под цикадой (*чань*) следует понимать учение *чань*. Лишь много времени спустя эта мода, наконец, прошла.

(64) В столице при продаже наложниц каждые пять тысяч монет называли *гэ*. За красавиц брали тридцать-пятьдесят *гэ*. А в последние годы знать всё больше ценит у женщины умение петь да красоту, и цена самой дорогой наложницы достигает пяти тысяч связок монет. На *гэ* при этом монеты больше не считают.

При заключении брачного контракта родители и родственники тоже непременно требуют денег, и эти деньги называют "мелочь на расходы". При нынешней династии знатные семьи подыскивают себе зятёй на экзаменационном дворе среди выдержавших провинциальные экзамены. Не спрашивают ни о гороскопе, ни о родословной, и это называется "ловить зятя у экзаменационной доски". Деньги же при этом называют "мелочь для ловли", они идут на покрытие столичных расходов зятя.

В последнее время богатые купцы, вульгарные простолюдины и зажиточные горожане тоже стали "выхватывать" для своих дочек женихов "от экзаменационной доски". Они щедры на деньги, чтобы привлечь ученых, и те снизошли бы до них. Жениху дают более тысячи связок монет! Когда же заключают брачный контракт, родне жениха тоже дают "мелочь на расходы", и часто из-за этой суммы выходят споры, но договор вяжет крепкими узами, будто официальный судебный иск. Ну к чему такое недоверие!

Цзюань вторая

(65) Издревле в гуанчжоуском Управлении торговых кораблей (*Шибосы*) существовала должность Уполномоченного управления (*тицзюй шибоши*), находившаяся в ведении военного генерал-губернатора. Во времена основателя династии эта должность называлась: правительственный уполномоченный Управления торговых кораблей (*шибоши*). Управления торговых кораблей существовали в приморских областях - в Цюаньчжоу; что в провинции Фуцзянь, в Минчжоу и Ханчжоу, что в Лянчжэ.

В начале годов Чун-пин в этих трёх провинциях были учреждены должности чиновников тигзюй шибоши. Самым процветающим портом был Гуанчжоу. Когда кто-нибудь из чиновников начинал грабить, торговые люди переходили в другое место, так что эти три провинции знавали времени и расцвета, и упадка. Потом императорский двор объединил цюаньчжоуское и гуанчжоуское Управление и перевёл оба в Гуанчжоу. Не все торговцы сочли это удачным.

(66) В Гуанчжоу от Сяохай до отмели Жучжоу семьсот ли. На отмели расположена Инспекция за прибывающими кораблями (*Ванбо сюньцзяньсы*), её называют *и ван* - Первая Инспекция. Немного севернее находятся вторая и третья. А минуешь отмель - и уже открытое море!

Когда торговые суда собираются отплывать, то дойдя до отмели Жучжоу, задерживаются там на прощание и только после этого получают разрешение отплыть. Это называют "выпустить в море". Возвращаясь, суда причаливают у отмели, радостно отмечают благополучное прибытие и выставляют сторожевым солдатам угощение - вино и мясо, а потом судно под охраной направляется к Гуанчжоу. В Гуанчжоу суда швартуются у сторожевой башни Управления торговых кораблей, и из Инспекции присылают солдат для досмотра. Это называется "поместить в загон". Потом на корабль прибывают налоговый инспектор и инспектор Управления кораблей. Они осматривают товары и определяют сумму налога. Это называется "взывать часть". Из расчёта десяти частей жемчуга и "мозга дракона" высшего качества взимают одну часть, а черепашьих панцирей или древесины цезальпинии низкого качества - три части. Излишки взыскиваются в пользу казённой торговли, а оставшимися после этого товарами купец может распоряжаться по своему разумению. Все слоновьи бивни весом в тридцать *цзиней* и более, а также мастика поступают на государственный торговый пункт (*гуань ши*), поскольку на эти товары установлена монополия. Купцы, имеющие сколь-нибудь большие слоновьи бивни, обязаны

их взвесить, и те, что в весе менее трёх цзиней, могут продаваться свободно, а поскольку на казённом торговом пункте цены низкие, то от такой торговли получается для купцов большой убыток, и они недовольны. Тех же из торговцев, которые, приплыв и не пройдя ещё /процедуры/ "взымания части" посмеют потихоньку пускать товары в оборот, считают преступниками, хоть бы они продали из товаров самую малость, и конфискуют все. Поэтому никто из купцов не осмеливается своевольничать.

(67) Близ помещения гуанчжоуского управления торговых кораблей у самой воды стоит терем Хайшаньлоу, он помещается как раз напротив Пяти отмелей. Протока перед Хайшаньлоу зовётся Сяохай - Маленькое море, ширина её немногим больше *чжана*. Здесь моряки берут запасы воды для морских плаваний: вода эта не портится. Если же к этой воде добавить ещё и колодезную, то сохранить в запасе её не удастся, в воде заводятся насекомые, уж не знаю, почему.

Купеческие суда уходят с северным ветром в одиннадцатой-двенадцатой луне и возвращаются с южным ветром в пятой-шестой луне. Ведь корабль - что деревянная мерка в один *доу*, без ветра плыть не может. На судне устанавливают мачту и вешают на неё косой парус, так что на одном конце получается будто створка от ворот. В качестве паруса натягивают циновки, на местном диалекте их зовут *цзяту*.

В море плавают, полагаясь не только на попутный ветер. Когда корабль отходит от берега, и дует ветер с суши, то можно плыть, а если ветер встречный - корабль относит обратно. Про это говорят, что ветер дует с трёх сторон. При встречном ветре можно удержать корабль на месте, бросив якорь. А гуанчжоуский военный наместник в шестую луну возносит моления о ветре духу Фэн-луну.

(68) Порядок таков: на больших кораблях, берущих на борт несколько сотен человек и на маленьких, где сто с небольшим людей, из самых богатых купцов назначают начальника, его заместителя и помощников. Управление торговых кораблей выдаёт начальнику письменное разрешение палками приводить спутников к повиновению и описывать добро тех, кто умер /в пути/.

Купцы говорят, что если судно большое, и людей на нём много, тогда ещё можно идти в плаванье - за морями много разбойников, и они хватают каждого, кто не является гостем их страны. Если корабль приплывёт в Чжаньчэн или, сбившись с пути, по ошибке окажется в Чжэньла, то все товары отбирают, а самих путников вяжут веревками и продают, при этом приговаривая: "Вы здесь не появляйтесь!" Да ещё в странах за морями хоть и не взы-

мают торговых пошлин, но всё равно требуют, как они это называют, "приносить дары", и отбирают /эти "дары"/, невзирая на то, много /на судне/ товаров или мало. Поэтому плавать на маленьких судах невыгодно.

Суда в длину имеют несколько десятков чжанов. Торговцы делят товары на малые части и раздают своим людям. Те хранят товары, а ночью спят на них. Среди товаров много фарфоровых изделий, маленькие уложены в большие, так что пустого места нет.

В море /путники/ опасаются не шторма, а только - сесть на мель. Если, как говорят, "приблизиться к мелководу", потом уже корабль с мели не снять. Если вдруг открывается течь и ликвидировать её не удастся, то посылают рабов *гуйну* с ножами заделать пробоину снаружи. Гуйну превосходно плавают и видят в воде совершенно отчётливо.

Капитан корабля сведущ в географии, ночью он наблюдает звёзды, днем - солнце, в непогоду ориентируется по компасу (*чжинаньчжэнь*) или с помощью крюка, привязанного к веревке в десять чжанов, достаёт со дна грунт, нюхает его и так определяет местонахождение судна.

В море не бывает дождя, а если вдруг пойдёт дождь, то, значит, близко земля! Торговцы говорят, что когда устанавливается безветрие, морская вода напоминает зеркало.

Мореплаватели ловят рыбу. Берут громадный, размером в руку, крюк, привязывают к нему в качестве приманки курицу или утку, чтобы большая рыбина её заглотила. Полдня рыба водит судно за собой, прежде чём ослабеет, и к ней можно хоть немного приблизиться. Но схватить рыбу можно только ещё через полдня. Если же вдруг налетит ветер, рыбу бросают. Пойманная рыба может оказаться несъедобной, и тогда ей распарывают брюхо в поисках мелких, съедобных рыб, которых большая пожрала. Обычно их в брюхе несколько десятков, и каждая весит много цзиней! Большие морские рыбы всегда плавают следом за кораблем и пожирают всё, что с него бросают в море. Если кто-то из путников на судне, заболев, окажется на грани смерти, обычно его, ещё не испустившего последний вздох, заворачивают в толстую циновку и бросают в воду. Чтобы тело скорее ушло на глубину, к циновке привязывают глиняные кувшины с пресной водой. Но только тело оказывается в воде, как стая рыб тут же разрывает циновку, и на глубину покойный уйти не успевает.

В море водится рыба-пила. Она длиной в сто десять чжанов, и у неё на носу имеется костяная пила. Повстречав судно, эта рыба

разрезает его своим носом с такой лёгкостью, будто выдёргивает /сухое дерево/.

Случается, что во время плавания вдруг вдали появляются нагромождения гор, покрытые высохшими деревьями. Если, по мнению капитана, раньше тут никаких гор не было, то это - дракон. Нужно отрезать /прядь/ волос и сжечь вместе с рыбьей чешуёй и костями. Тогда горы начинают медленно исчезать под водой. Но опасность очень велика, и немногим повезло от нее уберечься.

Торговцы почитают иноземных буддийских монахов и говорят, что если в плавании в трудной ситуации к ним обратиться с молитвой, то монахи появляются из пустоты и всегда помогают. Прибыв в Гуанчжоу, торговцы устраивают для /тамошних/ монахов угощение и делают пожертвования. Называют это "приношения архатам".

(69) Тех из северян, кто, уплыв за море, в том же году не вернулся обратно, называют *чжу фань* - поселившиеся у чужеземцев, а тех чужеземцев, которые приплыли в Гуанчжоу и в том же году не вернулись обратно, называют *чжу тан* - поселившиеся в стране Тан.

Если гуанчжоусец делает долги, и проценты по ним сравнятся с /первоначальной/ суммой, то он обычно подражается на судно, идущее за море, и по возвращении расплачивается с кредиторами. Такой человек может прожить за морем, не возвращаясь, хоть десять лет подряд, проценты /за это время/ начисляются в прежнем размере. Богатеи пользуются /положением своих должников/, дают им шёлк и гончарные изделия, а стоимость /этих товаров/ прибавляют к сумме прежнего долга, и проценты исчисляются во много раз больше. Гуанчжоуские власти следят за тем, чтобы долговые обязательства были выгодны; Управление торговых кораблей издаёт /относительно этого/ специальные указы.

(70) В гуанчжоуском "чужеземном квартале" (*фань фан*) живут все прибывающие из заморских стран. Из их же числа назначается над ними начальник. Начальник этот заведует в квартале делами управления, особо следит за тем, чтобы чужеземные торговцы платили дань. Для этого у него в подчинении есть чиновники-иностранцы. Одежда, обувь, памятные дощечки (*ху*) у этих чиновников такие же, как и у жителей Поднебесной. Если в чужеземном квартале совершается преступление, то приглашают следователя из Гуанчжоу, и преступника высылают из квартала. Провинившегося привязывают к деревянной лестнице и бьют тростниковыми палками - от пяток до макушки. Тростниковые палки ломаются после третьего удара. Чужеземцы не носят штаны

и чулки, сидят прямо на земле. Удары по ягодицам для них болезненны, а вот ударов по спине они не боятся. Если же преступление серьёзное, то дело разбирают в Гуанчжоу.

Иноземцы одеваются иначе, чем жители Поднебесной, а едят и пьют то же самое.

(71) Во всех странах, что лежат к югу за морем, есть правители. Самая большая страна - Саньфоци. У /тамошних жителей/ есть своя письменность, они превосходно читают. Купцы рассказывают, что там тоже умеют предсказывать солнечные и лунные затмения, но китайцы не понимают, что сказано в их книгах. В землях /Саньфоци/ много сандалового дерева и мастики, это китайцы покупают. Когда нагруженный мастикой корабль из Саньфоци прибывает в Серединное Государство, то, поскольку на торговлю этим товаром Управлением торговых кораблей объявлена монополия, после отделения пошлины он весь поступает на казённые торговые пункты. А в последнее время в Саньфоци также объявили монополию на сандал, и купцов обязали продавать это дерево тамошнему правителю. Цена возросла в несколько раз, и никто из чужеземцев не осмеливается тайно вывозить сандаловое дерево. Политика /Саньфоци/ вполне разумна. Эта страна находится как раз на юге, за морем, а к западу - очень далеко - лежит Даши. Китайцы, приглашённые в Даши, добираются до Саньфоци, там ремонтируют корабли и меняют товары, а дальше везут на продажу ткани, и это считается самым выгодным.

(72) В богатых домах Гуанчжоу многие держат гуйну - "дьявольских рабов". Сила их необычайна, и они могут поднять несколько сот цзиней. Язык и чувства их непостижимы, нрава они простодушного, не убегают. Их ещё называют дикарями. Кожа у них чёрная как тушь, губы красные, зубы белые, волосы курчавые и рыжие. Они есть обоего пола, а родина их находится в горах за морем. Едят мясо животных. Когда гуйну берут в дом, то кормят пищей, приготовленной на огне, и у них после этого несколько дней - лишь жидкие испражнения. Это называют - "сменить кишки". После кое-кто из гуйну умирает, а тех, которые выживут, можно держать в доме. Гуйну, долго живущие среди людей, обретают способность понимать человеческую речь, но сами говорить не умеют. Есть ещё один вид дикарей из ближних морей, так они плавают в воде с открытыми глазами. Их называют также куньлуньну - куньлуньские рабы.

(73) Обычаи в Гуанчжоу грубые. Женщины тут сильные, а мужчины - слабые. Женщины в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет собирают волосы в узел и перевязывают чёрной шёлковой

нитью. Носят чёрные длиннополые безрукавки, называемые *юцзе бэйцзы* - "безрукавки для прогулок по улицам".

(76) Однажды, когда я был в Гуанчжоу, по случаю пира в областном управлении собралось много чужеземцев. Их глава пригласил одного человека из страны Саньфоци, - тот, мол, прекрасно читает "Сутру Князя Павлинов" ("Кунцю минван цзин"). Я считал, что буддийские сочинения, называемые *чжэньянь* (мантры) - невнятные и содержат в себе ложь, поэтому обрадовался возможности услышать такое сочинение и велел человеку декламировать. Чужеземец сложил руки за спиной, оперся о колонну и стал кричать. Звук его голоса был подобен бульканью кипятка в кувшине, но ничего похожего на широко распространённые в мире "Мантры павлина" я не услышал. Сутра прошла, видно, через перевод и сильно изменилась. Молва считает это сочинение безвозвратно канувшим. Не знаю уж, как души умерших и духи Поднебесной разберут, о чём там речь!

(78) В пещере Билодун, что в Инчжоу, есть сталактиты. Пастухи овец часто бывают там. Говорят, что среди тех овец, которые отведали сталактитовой воды, некоторые становятся белыми, как сталактиты, и мясо их очень способствует преодолению дряхлости. Таких овец называют *жуян*. Но распознать их можно только после того, как забьёшь. Овцы *жуян* очень редки, и в год их попадается одна-две. Начальник округа преподносит их в дар главнокомандующему и инспекторам провинциального управления.

(79) При Хань были девизы правления, /где упоминается/ феникс. Но в книгах ничего не говорится о том, как те фениксы выглядят. В Гуаннани считают, что феникс бывает красный или белый, но в стае попадается непременно и пятицветный. Стая фениксов садится на очень высокие, от десяти чжанов и выше, деревья. Гнёзд не вьют. Питаются росой и ветром. С силками к ним невозможно приблизиться.

Будучи в храме Цаосисы, я не раз видел этих птиц. Они внезапно прилетают и неожиданно исчезают, щебечут как простые птицы, а окраска у них яркая. Я расспрашивал людей: никому ещё не удавалось поймать такого феникса.

(80) В южных заморских странах водится *даогуацюэ* - "птица, висящая вниз головой". Перья у неё на хвосте разноцветные, а сама птица напоминает попугая, но маленькая, как воробей. Ночью она висит вниз головой. Люди, которые держат *даогуацюэ* дома, кормят их выдержанным в меду просом и сахарным тростником. Эти птицы не выносят холода и в Поднебесной часто гибнут. Дохнут они и от неправильного кормления. В годы Юань-фу их впервые привезли в

столицу. Тогда одна птица стоила пятьсот тысяч связок монет. У Дун-по в стихотворении "Слива мэй" сказано: "Феникс *яо* с зелёными перьями, висящий вниз головой". Наверное, про эту птицу.

(81) В Гуанчжоу я купил белого попугая. Мне его хвалили как умеющего говорить. Я стал слушать, но попугай говорил только по-иноземному или щебетал, как обычная птица. Зря только время потратили на его обучение! Я посмеялся и вернул птицу хозяину.

(83) В ущелье Цинюанься, что в гуанчжоуской области Инчжоу, есть храм Сяолунцы (Маленьких Драконов). Я там бывал. В храме несколько помещений, он стоит среди гор и ручьёв - удивительной красоты место! А драконы - это змеи. Одна - цвета самородного золота - князь; другая - цвета красной тканой парчи - его супруга; змеи синего и зелёного цвета - чиновники; одна жёлтого цвета - посыльный. Была там ещё маленькая змейка, такого как князь, цвета - его наследник. Змеи извиваются в лаковом коробе. Подойдёшь посмотреть - их то видно, то нет. Преудивительно! По сравнению с обычными, эти змеи тоньше и длиннее, у них гневные глаза и высокие лбы, людей они не боятся. Окраска ярче, чем краски художников. Если обратиться к змеям с молитвой, они выполнят на курильницу, и огонь в ней тухнет, или же поедают жертвенные фрукты и вино.

(84) Жители Минь и Чжэ едят лягушек, жители Хусяна едят *хэцзе* - это те же лягушки, только больше. В Серединной равнине каждое упоминание о том, что на юго-западе едят лягушек, вызвало раньше смех. Но вот один человек отправился служить в Чжэ, поймал там двух лягушек, высушил их лапки и дал своим родственникам под видом вяленой перепелятины, а после того, как они всё съели, сказал им правду. Только после этого над /таким обычаем/ стали издеваться меньше.

А в Гуаннани едят змей и на рынках продают змеиную похлёбку. Чао-юнь, наложница Дун-по, приехав вместе с супругом в Хуэйчжоу, куда его перевели служить, однажды послала старого слугу купить этой похлёбки. Суп называли "морская свежесть". Чао-юнь спросила, из чего он, и оказалось - из змей. Чао-юнь стошнило, несколько месяцев она болела, а потом всё-таки умерла.

Варвары из Цюнгуани ловят и едят всяких тварей - мух и комаров, других насекомых, дождевых червей. Кладут их в бамбуковую палку и пекут на огне, а потом разламывают бамбук и едят. В последний год моего пребывания в Гуанчжоу, из иноземного квартала прислали яства, сильно приправленные чёрной патокой и мозгами кабарги. Если там и была редкая рыба, то обязательно -

вонючая и горькая. Только жареные ростки бамбука с квашеными овощами и можно было есть.

Когда мой покойный батюшка был послом в Ляо, ему принесли чашку молочной каши - страшно дорого. Но каша была приправлена жареным растительным маслом - в рот взять невозможно! Батюшка просил убрать масло, но его не слушали. Тогда батюшка отдал чашку слуге, чтобы тот перелил масло в другую посуду и взял себе, а сам с тех пор заказывал только постную кашу.

На юге едят больше соли, а на севере больше едят кислое. Варвары с четырёх сторон и некультурные селяне любят сладкое, а в Серединной равнине и в городах едят постное. Среди пяти вкусов лишь горькое в пищу не годится.

(85) Ван Ши-лян, помощник начальника медицинского управления из Гуанчжоу, умер в первый год под девизом Юань-ю, а через три дня - воскрес. Он рассказал, что был препровождён в загробное управление. Ши-ляна ввели в зал, где сидел человек в бледно-фиолетовой одежде, подобный небесному чиновнику. Чиновник принялся спрашивать Ши-ляна о том, как тот когда-то продал кому-то яд, и /купивший/ отравил свою жену, но Ши-лян это отрицал. Служащий провозгласил: "Это было в начале четвёртого года Си-нин (1071)!" Чиновник углубился в бумаги, а Ши-лян твердил: "Ничего такого не было!" Тут чиновник хлопнул по столу: "Да ведь это было в Хуанчжоу, а тут ошибочно написано Гуанчжоу!" - и велел отправить Ши-ляна обратно.

Когда Ши-лян вышел, служащий повёл его на галерею и со словами: "На будущий год в Гуаннани будет мор, пользуйтесь этим препаратом"- протянул Ши-лян рецепту. Тот прочитал, а это - порошок *гоутэнсань*, что лечит мор, из книги "Рецепты "Бо Ци". Прочитав рецепт, Ши-лян украдкой спросил у окружающих, где он находится, и кто-то ответил, что это управление Бессмертного, ведающего лекарствами Поднебесной.

Как раз в это время Гуанчжоу управлял Цай Юань-ду. Узнав о том, что случилось с Ши-ляном, он вызвал его к себе, чтобы подробно обо всем расспросить, а секретарю велел записывать.

Пришла весна, и разразился большой мор. Но когда больных лечили порошком *гоутэнсань*, им становилось лучше. А ещё Ши-лян сказал: "Я с юных лет изучаю медицину, и вот, на четвёртый год Син-нин применил свои лекарства для лечения! В мире мрака обо всем записано /заранее/, как можно не верить!"

(86) В годы Юань-ю житель иноземного гуанчжоуского квартала по фамилии Лю женился на дочери члена императорской фамилии. По службе Лю достиг поста старшего офицера дворцовой

стражи. Он умер, а сыновей-наследников не оставил. Родственники стали требовать раздела имущества и послали даже бить в "барабан, вызывающий к слуху". При дворе только тогда узнали, что женщины из императорской фамилии выходят замуж в варварской стороне, и наложили на это запрет. Если в трёх поколениях был хоть один чиновник - только тогда разрешали жениться.

(90) Дун-по в Хуанчжоу собственноручно готовил овощной суп. Назвал его "похлёбка Дун-по" и описал рецепт приготовления. Ценители почитают этот суп за диковинку.

(91) На /коньках/ крыш дворцов делают "совиные клювы", а подданные /на своих домах/ не смеют /так делать/, и поэтому устраивают /там/ головы зверей. Говорят, это уберегает от пожара.

Ныне на домах всех жителей Гуанчжоу есть звериные головы; в области Хуанчжоу они есть только на крышах казённых резиденций и храмов, а на крышах частных домов их нет. Говорят, боятся этим накликать пожар. Расстояние всего-то в сто ли, а обычаи - совсем разные.

(94) В Мянэ я слышал рассказы о том, как Чжан Гуай-яй начинал службу в должности начальника Чунъяна. До наших дней ему там приносят кровавые жертвы, и убелённые сединами старцы ещё могут порассказать о том, как /Чжан/ управлял.

Однажды Чжан встретил какого-то простолюдина, продававшего за городскими воротами пучки овощей. Оказалось, что это крестьянин из предместья. Гуай-яй велел дать ему сорок палок и сказал:

- У тебя ведь есть земля, а ты торгуешь овощами! Лентяй!

Слух об этом распространился, и чунъянские крестьяне стали возделывать свои поля с ещё большей энергией.

В другой раз Гуай-яй послал чиновников выяснить, кто из крестьян имеет чайные посадки, повелел сажать /там вместо чая/ тутовые деревья. Утерев выгоду от продажи чая, крестьяне очень тужили, однако из боязни подчинились этому приказу, не смея медлить. А через несколько лет после того, как Гуай-яй уехал из Чунъяна, императорский двор ввёл принцип монополии, и если у кого были чайные посадки, то /владельцы/ должны были вносить арендную плату. Только в Чунъяне чая не оказалось, и /жители/ избежали разорения.

Уездный город от областного /центра/ отделяло четыреста ли, и водного сообщения не было. Рис носили в область на себе. В каждому ху получалось по шесть-семь доу. С богатых брали налог в сто ху; всё это было очень трудно и разорительно. Гуай-яй представил доклад, предлагая в уезде Гаюань разрешить выплачивать

налог не рисом, а тонким шёлком, и население Чунъяна получило возможность носить /в область/ более лёгкую поклажу. А к этому времени посаженные ранее тутовые деревья выросли. Из-за этого шёлка /Чунъян/ оказался первым на юго-востоке по полученной выгоде. Сейчас /те места/ процветают ещё больше.

(95) Помощник инспектора Дун из Хуанчжоу был очень богат. В год *цзи-чоу* под девизом Да-гуань (1109) случился неурожай, и Дун решил накормить голодающих рисом, а для малых детей /велел/ готовить рисовую кашу. Когда всё было разложено по порциям и расставлено, голодающие толпой ринулись /к еде/. Заставить их соблюдать порядок не представлялось возможным. Дуна свалили наземь и сильно помяли в давке. Домашние говорили, что Дуну следовало подать жалобу, но он не обратил /на это происшествие/ никакого внимания. На другой день он снова приготовил еду, но соорудил из брусьев ограждение, чтобы выдерживать очередь. Больше беспорядков не было. Более ста дней Дун без устали кормил людей.

Люйцю Пятнадцатый, деревенский житель из Хуангана, также имел большие запасы зерна, но, когда случался неурожайный год, он тут же поднимал на зерно цену. Люди его не любили. В старости Люйцю поразил внезапный недуг: он перестал принимать пищу и ел только бараний помёт. Домашние, жалея старика, давали ему рисовые катышки, сделанные на манер бараньего дерьма, но Люйцю отбрасывал их, лишь взяв в руки. Прошло несколько месяцев, и старик умер. А ведь раньше он заискивал перед Буддой, и многое из своих запасов жертвовал лушаньским монахам. Он боялся, что проступки его чрезвычайны, и надеялся служением Будде немного облегчить свою участь, но это - невозможно.

(96) Хуанганский простолюдин Дин Шэн-вэй мало-помалу основал своё дело. По характеру Дин был человек коварный и хитрый. Он очень разбогател и купил поместье. Когда там копали колодцы, нашли каменную плиту, на поверхности которой виднелись линии, напоминающие иероглифы - будто чьи-то имя и фамилия. Дин велел сложить текст, /повествующий/ о его деяниях, и вырезать его на той плите, чтобы получилась стела.

Но вскоре после этого он заболел и умер, а состояние его рассеялось. Я купил поместье - это нынешнее Пинчжоу - с землёй и усадьбой. Произошедшее, видно, было предопределено заранее, и к плите следовало отнестись бережно, тогда удалось бы избежать бед.

(100) Мой покойный батюшка рассказывал, что когда он был послом на севере, то видел там выезд местного сановника из рода

Елюй. В крытой войлоком повозке сидела женщина. Лицо её было густо накрашено жёлтым - это называется "принять вид Будды". Брови - красные, губы - чёрные. Экое необычайное существо!

Ну вот, к примеру: брови обычно располагаются над глазами, а если у кого-то брови вдруг под глазами, то это, конечно, вызывает удивление. Конечно, если у всех брови были бы под глазами, и вдруг появился кто-то, у кого брови над глазами, то это бы тоже удивляло. В Поднебесной нет единого истинного суждения, а собраны вместе самые разные. А если по поводу чего-то не возникает сомнений, то это непременно нечто общераспространённое.

(104) Когда жители Гаоли бывают в Чанчжоу, они покупают у тамошних жителей голубей и выпускают их на волю. А голуби знают дорогу домой и стремятся назад, поэтому чанчжоусцы боятся, что их голубей не будут покупать или заставят вернуть деньги.

Еще покупают голубей, чтобы выпускать по случаю дня рождения. Чанчжоусцы наперебой выпускают голубей. После покупки птиц сажают в плетёнки и в лодке увозят далеко в море, и там, когда наступает день рождения, выпускают. Если голуби возвращаются, это считается предвестием удачи.

(106) Кумирня Духа Восточного Моря (*Дунхайшэнь*) находится в пятнадцати ли за восточными воротами Лайчжоу. Совсем рядом с кумирней плещет море, и вдаль, на востоке, виден Остров Лотосов (*Фужундяо*), до него морем приблизительно сорок ли. Вода к западу от этого острова - белёсая, а с восточной стороны - бирюзовая, незаметно переходит в небо. На острове тоже есть кумирня - камышовая хижина. Тут бывают рыбаки. В хижине всегда есть несколько ху риса. И вот почему. Когда ветер мешает рыбакам вернуться домой, они ночуют на этом острове и готовят пищу из привезённого с собой риса. Потом, когда ветер стихает, рыбаки уезжают, а оставшийся рис оставляют в дар духу, не осмеливаясь взять с собой ни единой рисинки.

А к северу от этого места, совсем неподалеку, живут чужеземцы. Рыбаки говорят, что когда на небе нет туч, видны отблески их костров. Морем до них - рукой подать.

(107) Когда мой покойный батюшка управлял Дунлаем, он послал купить сто тысяч *лян* хлопка для подарков императору. В это время из уездов стали поступать настойчивые просьбы строжайшим образом запретить частные рынки.

- Но ведь тогда торговля захиреет, и мы не сможем совершить нужные закупки! - сказал батюшка. - А какова цена хлопка?

- Каждый *лян* - сто монет, - ответили ему.

Батюшка велел добавить к этому ещё двадцать монет и обратился ко всем начальникам /уездов/ с просьбой собрать деньги и около ворот уездных городов /устроить/ такие рынки, где в любом количестве скупать без промедления весь хлопок.

Дней через десять со всех сторон, привлечённые выгодой, потянулись люди, и необходимый хлопок был куплен. Кто-то выразил опасение, что заплаченные сверх цены деньги ввели власти в большой расход, но батюшка возразил:

- На рынке всегда так происходит. Это не то что твёрдые, /установленные/ двором, цены.

(108) В начале годов Чун-нин в обращение были выпущены большие медные монеты - достоинством в десять простых монет, но по весу соответствующие трём простым. Потом, чтобы уравнять вес и стоимость, было велено на юго-востоке считать эти монеты за пять простых, дешевле, чем на северо-востоке. Потом, поскольку разбойному использованию таких, отлитых частных образом монет положить конец не представлялось возможным, цена для всех них была установлена повсеместно в три простых. Так противоречия между весом и стоимостью были устранены, и только тогда установился порядок.

В дворцовом казначействе в то время монеты хранились без счёта, и изменение стоимости привело к большим убыткам.

Однажды утром из столичных ворот Дунхуамэнь вылетели всадники, криком оповещая предместья о том, что большие медные монеты обесцениваются до трёх простых. Новость мгновенно разнеслась повсюду. Богатым не на чем стало греть руки.

В кайфэнском управлении, получив указ, для частных ломбардов установили срок в пять дней, когда заклад можно было получить по прежней стоимости. Простые люди тут же бросились за выгодой. Владельцы же ломбардов были недовольны этим приказом и исподволь сопротивлялись ему. Тогда власти установили тяжёлые наказания. А один сметливый богач уже после того, как определённый властями срок вышел, по своей инициативе ещё пять дней продолжал выдавать заклады по старой стоимости, и, как говорится, его ворота отметили большой доской. При дворе, узнав об этом, занесли имя богача в анналы.

Мой двоюродный дядя по отцу - его звали Бин - жил тогда в Хучжоу, к западу от моста Ифэнцяо. У него, как говорится, для погони за прибылью, было скоплено несколько сотен связок монет. И вот, как только началась реформа, кто-то из его сыновей или домочадцев узнал новость первым. Он стал просить дядю поворо-

питься и обменять деньги на товары, но дядя лишь посмеялся и ничего не ответил.

Потом же спросил:

- Так что, эти деньги теперь нельзя использовать /по старой стоимости/?

- Да, - отвечал тот человек.

- Я пострадал. Но ведь и другие пострадали, - рассудил дядя.

- Что тут поделаешь!

Так он потерял всё, впоследствии больше ничего не скопил, но никогда ничуть не раскаивался в своём поступке.

(111) В последнее время камень *цюаньши* сделался такой дорогой, что стоимость его стала неисчислима. У жившего в годы Тай-пин (976-983) Го Сян-чжэна был в своё время такой камень - размером в *чи* с небольшим, очень похожий на горный хребет с девятью вершинами, а внизу - будто обрыв. Дун-по назвал его "девять цветов в чайнике". Камень этот ценился необычайно. Я слышал, он и доныне хранится в императорском дворце.

В собрание сочинений Дун-по входят "Сведения об удивительных камнях". Там говорится о камнях, найденных в Хуанчжоу, куда Дун-по был послан служить с понижением. Я побывал в том месте, где он жил. Позади дома - гора, она называется Похушань (Разбиваемая озером). Камни были найдены на этой горе. Каждый год, когда сходит паводок, крестьяне ходят сюда за камнями. Попадают прозрачные пёстрые, с цветными прожилками камешки - из них делают кольца, серьги, безделушки, головные украшения. Но обычно эти камни слишком мелкие, и годятся они только для того, чтобы положить их в плошку с водой, где разводят аиры.

(112) Лю Чэн очень заботился о своём дворце и хотел собрать там удивительной формы камни. Он объявил, что за камни будет прощать проступки. И вот один богач, совершивший преступление, доставил ему водным путем из Лянчжэ купленные там камни. К западу от города, в старом парке на отмели Яочжоу до сих пор сохранились девять камней, из них каждый высотой в несколько чжанов. Называются "Камни Девяти Светил".

(114) Самые лучшие писчие кисти - из кроличьей шерсти. Знатоки ценят кисти из шерсти белки или орангутана, но в удобстве при письме они не идут в сравнение с кроличьими! В Гуаннани не водятся кролики, и там пользуются куриными перьями. Перья плоские, писать ими невозможно, разве только крайность придёт. Нынешние мастера /по изготовлению/ кистей - семья Чжугэ из Сюаньчжоу и Сюй из Чанчжоу. Они передают своё ремесло из

поколения в поколение; всё ещё славятся в мире ученики Чэн Ань-дао из Аньлу и Ли Чжана из Ияна.

А ещё жители Сюаньчжоу искусно играют на бамбуковых флейтах *гуань*, чисто и прекрасно - заслушаешься! Некоторые делают флейты из тростника, особо ценимые за лёгкость.

Из Гаоли посылают людей в Чанчжоу для торговли кистями. Только лишь судно получает разрешение на разгрузку товаров, как кисти раскупают, и столь стремительно, что даже наполовину лысая кисть почитается удачным приобретением!

(115) Е Тао весьма увлекался облавными шашками, и Цзе-фу даже сложил стихи, в которых строго осуждал его. Но Е так и не смог побороть своего пристрастия. Многие игроки в увлечении - думать забывают о других делах; бедные ли, знатные, находясь в плену своей страсти, они порой лишаются средств к существованию. Вот почему при Тан шашки осуждающе называли "деревянной лисой", имея в виду, что они повергают людей в сладостное омрачение - прямо как лисы.

(118) В области Чэньчжоу растут необычайные пионы *шаояо*. В последние годы эти цветы стали доставлять ко двору. Из Чэньчжоу в столицу, за триста ли, привозят их на лошадях всего за один день и одну ночь. Делают так: после того, как цветок срезан, стебель вставляют в пропитанную медом тростинку, слегка подсушивают на солнце, и когда цветок откроется, кладут в бамбуковый короб. /В столице/ достают цветы, часть стебля с тростинкой срезают и втыкают ненадолго в сырую землю, а потом подвешивают на верёвочках вверх черенком. Цветы выглядят так, будто их только срезали.

(119) Столичные жители шьют летнюю /лёгкую/ одежду из фуцжоуской тюлевой ткани *ляньхуа* /лотосовая/. Ляньхуа очень высоко ценится. Эту ткань делают на четырёх женских подворьях буддийского монастыря Ляньхуасы, и секрет её изготовления запрещено передавать посторонним. В год на каждом подворье изготавливают лишь около ста штук ткани, и этого недостаточно даже для поставок высшим сановникам при дворе и в провинциях. Ткань ляньхуа делают и во многих домах, не относящихся к монастырю, и её тоже берут для восполнения нужного количества. Жители столицы, покупающие ляньхуа, умеют отличить ткань, сделанную в монастыре, от сделанной вне его, и цена последней уступает настоящей в двадцать-тридцать раз.

(122) Столичный чиновник Сун Юн-чэнь в годы Си-нин служил при дворе. Острым умом своим он заслужил похвалу владыки. Сун был человек в высшей степени тонкий.

В годы Юань-ю он был назначен в Шэчжоу. В области как раз изготавливали громадный барабан, изукрашенный золотом. Но вот, когда барабан был уже совсем готов, с одной стороны отломилась ручка-кольцо. Хотели отпилить её совсем, но жаль было труда мастеров. Тогда Сун внёс предложение, как починить кольцо: под ним укрепить нечто вроде пружины замка, в днище барабана проделывать отверстия, очень узкие, вбить туда концы ручки, и когда они войдут, зафиксировать пружиной. После этого ручка будет в порядке.

Многие поступки /Суна/ были вроде этого.

(123) На юго-востоке крик птицы считается дурным предзнаменованием, а стрекот сороки - добрым. Поэтому сороку называют ещё "радующая". А вот в Шаньдуне я видел, как люди, услышав стрекотание сорок, плюются, а крику птиц радуются. Не понимаю, почему сложились такие обычаи!

(124) Яо Ю рассказывал, что когда-то служил помощником окружного начальника в Цзэчжоу. Этот округ занимает важное место в горах Тайхан. Там есть такие места, где чиновники никогда не бывали.

Местные жители страдали от тигров, и /власти/ послали Яо Ю в горы вознести моление о защите от напасти. Яо поехал туда и остановился на ночлег у подножия гор. Он увидел, что дома тамошних жителей окружены /частоколом/ из вкопанных в землю больших брёвен. Ему объяснили, что это - заграждения от тигров. Стал спускаться вечер. Появилась стая в несколько десятков тигров. Они шли степенно и важно, глядя на человеческие жилища с презрением, а люди и домашние животные тряслись от ужаса.

Когда рассвело, Яо, набросив одежды из белого шёлка, поднялся в горы, достиг самой вершины и там обнаружил дощатую хижину, а в ней - камень с высеченной на нём надписью. Яо принёс жертвы, сделал копию с надписи на камне и вернулся назад.

(125) В Чжэньчжоу /есть место/, где на протяжении десяти с лишним ли - сплошь тигриные логова, они здесь и там в заросшей яркими и пёстрыми цветами долине. Путники, идущие дорогой /через эту долину/, пересекают её группами, иначе может случиться несчастье. Сунь Вэй /второе имя Ци-фу/ управлял областью Чжэньчжоу и обо всём мне подробно рассказал. Как же власти, /в ведении которых/ находятся такие места, где человек вдруг может стать жертвой тигра, не проявляют о путниках заботы!

(126) При императоре Хуэй-цзуне, в годы Да-гуань у одного крестьянина корова отелилась *цилинем*. Деревенские жители не поняли, /что это цилинь/, сочли его вредным и забили палками.

Власти же, узнав об этом происшествии, провели расследование, и оказалось, действительно, благовещее существо! Донесли владыке. И тогда во все провинции были разосланы рисунки, изображающие цилиня, чтобы крестьяне знали, как он выглядит. Тому же, у кого появится цилинь, была обещана щедрая награда.

(127) В годы Юань-ю в столицу кто-то привёз морскую тварь, которую называл *хайгэ* (морской брат). Столичные жители наперебой бросились смотреть на неё. Рыбак держал хайгэ в загоне. Получив деньги, он звал хайгэ, тот откликался и всплывал. Так рыбак каждый день зарабатывал немалые деньги. Звали его к себе и из многих знатных семей.

Однажды рыбак приехал к императорскому зятю Ли и в саду его пустил хайгэ в пруд. Стал звать хайгэ, но тот не появлялся. В пруд закинули сеть и стали искать его, но как ни старались - хайгэ исчез.

Парки и озера Ли были настолько великолепны, что, говорят, императорский двор жаловал его жилище особой любовью, и что озеру Тайье и дворцу Писян далеко до владений Ли. Хайгэ же - это, верно, морской тюлень. У него окраска как у тюленя, нет хвоста, четыре лапы: передние две подобны рукам, а задние срослись с хвостом в одно целое. В приморских областях Дэнчжоу и Лайчжоу таких тюленей великое множество, их шкуры красят в зелёный цвет и делают из них упряжь и сёдла. Но тогда в столице тюленя посчитали за диковинку, которая лишь копошится как червь, а больше ничего и не может. Знатные люди платили по тысяче золотом, чтобы разок на него взглянуть, а потом дрожали от страха. Выходит, тот тюлень появился преждевременно!

(130) Змея *чжишэ*, которую убил Сунь Шу-ао, была, верно, двухголовая змея. У змей, что водятся в цзяннаньских горах, на каждом конце тела - по голове, и на обеих головах есть глаза и рот. /Одной головой вперед/ змея ползёт, а вторая волочитсЯ сзади. Брюшко у этой змеи красное, а спинка - чёрная, она бывает размером не более палочек для еды. Рассказывают, у дождевых червей в обоих ртах нет языков, и они никогда не открывают ртов. /Так эти змеи/ в точности как большие червяки! А змея, с которой имел дело Шу-ао, пожалуй, совсем не такая. Говорят, у неё две головы были с одной стороны, на одной шее. Вот что удивительно!

Цзюань третья

(133) В годы Си-нин начальника области Чанчжоу вызвали ко двору. Чиновник этот был очень хорошо осведомлён о современных событиях и интригах. Ему предстояло сделать доклад, и так как покровитель его /говорят, это был Цзе-фу/ обладал влиянием среди сановников, Владыка остался тем докладом доволен.

Однажды на приёме Владыка лично задал вопрос /этому чиновнику/, на каком удалении от центра /области Чанчжоу/ находится гора Сишань. Начальник был не готов и затруднился с ответом. Гора Сишань в уезде Усисянь области Чанчжоу, как известно, в просторечии зовется Хуэйшань, а географического описания своей области начальник не читал. Откуда ему было знать! Владыка взглянул на приближённых и молвил:

- Служит начальником области, а не знает, какие горы и реки находятся в её границах. Можно представить, как он управляет! - отослал этого человека и больше никогда не позволял ему и слово молвить.

(134) Ян Цзе (Цы-гун) был увлечён учением Будды. Однажды на приёме император Шэнь-цзун стал его подробно расспрашивать о сущности буддизма. Ян отвечал скупой и сказал, что буддизм полезен главным образом для самосовершенствования.

Когда Ян возвращался /из дворца домой/, над ним смеялись. Кто-то сказал с укором, что вот, Ян учился всю жизнь, а когда выпала ему удача лицезреть Владыку, знаний хватило только, чтоб поддакивать.

- Императорский двор отчётливо видит, где истина. Я боялся обидеть моего уважаемого наставника и не посмел сболтнуть лишнее, - отвечал на это Ян.

(136) Когда Сыма Вэнь-гун уже жил на покое в западной столице, он послал однажды старого солдата продать свою верховую лошадь.

- У этой лошади летом открывается лёгочное недомогание. Будешь продавать, так заранее предупреди! - наказал он солдату.

Солдат про себя посмеялся над этим, и выполнил он наказ или нет - неизвестно.

(137) Сложив с себя бразды правления, Фу Чжэн-гун вернулся в западную столицу. Однажды в простом халате он, верхом на ослике, выехал в предместье. Там Чжэн-гун столкнулся с уездным полицейским чиновником из Шуйнани, столичным жителем. Выезд его был очень пышный. Бегущие впереди солдаты кричали: "Всадникам спешиться!"

А господин Фу знай хлестал плеткой осла, направляя его вперёд. Крики солдат гремели всё ближе.

- Не желаете спешиваться, так назовите ваш чин! - набросились на господина. Он снова хлестнул осла и отвечал, что его имя - Би. Солдат не понял, кто перед ним, и доложил начальнику:

- Там, впереди, какой-то человек на осле упрямо лезет поперёк дороги. Я его спросил о чине, но он не ответил, а лишь сказал, что /его зовут/ Би.

Начальник понял, в чём тут дело, и воскликнул:

- Да ведь это министр! - и с копьем в руках спрыгнул с лошади. Он простёрся ниц слева от дороги и, дождавшись, когда господин подъехал, доложил:

- Чиновник из Шуйнани челом бьёт!

Господин лишь хлестнул осла и уехал.

(139) Ван Цзин-гун ушёл на отдых и поселился в Цзиньлине, как говорится, связал тростник у подножия горы Чжуншань. Опираясь на посох, Цзин-гун гулял по /окрестным/ деревьям. Цзин-гун очень сблизился с одним старым крестьянином по фамилии Чжан, и каждый раз, проходя мимо ворот его дома, окликал его: "Господин Чжан!" И Чжан отзывался: "Господин министр!"

Но вот однажды Цзин-гун вдруг со смехом заметил ему:

- А ведь если бы я и сейчас служил на посту министра, то мы с тобой различались бы только фамилиями!

(140) Фума дувэй Ли Дуань-юань жил вместе с прочими императорскими родственниками. Более всего он почитал внимательность и почтительность, а когда потерял зрение, стал ещё более внимателен и осторожен в общении со знатными отпрысками. Поэтому до конца своих дней он и прожил без печали.

Одно время в столице пользовалась спросом чудодейственная вода из кумирни Эр-лана, что в западной части Чуаньчжоу. Эта вода излечивала болезни. Ли же не верил в души умерших и в духов. Когда его внук захворал, домашние тайно послали за водой Эр-лана. Ли, узнав об этом, страшно рассердился, побил сына тростью и сказал ему:

- Если твоему сыну действительно суждено умереть, то как Эр-лан сумеет помочь и оживить его?! А если он этого не может, к чему же тебе вода?!

(141) Чжан Шэн /Гао-цин/, служа в Государственной Канцелярии, испросил, что называется, своё брненное тело и отказался от должности помощника первого министра и генерал-губернатора Хэ-яна. Он уехал на жительство в Янчжай. Временами Гао-цин наезжал в Лоян и совершал прогулки по горам Суншань и Шаошишань.

Гао-цин особенное расположение питал к ушедшим от бренного мира монахам, а современными ему событиями совсем не интересовался. Один даос виртуозно рассуждал о небытии, и Гао-цин очень полюбил его.

Однажды они вместе прогуливались по горе Шаошишань. Чжана сопровождало более десяти человек. Дойдя до огромной сосны, Гао-цин сел на камень. Даос достал из-за пазухи маленький кошель с измельчённым чаем раннего сбора, зачерпнул воды из горного ручья и приготовил напиток на костре из сухих сосновых веток. Господин взял себе чашку, а то, что осталось, даос разделил между всеми присутствующими. Чай был выпит, и через самое короткое время все попадали без чувств наземь. Дело в том, что даос подложил в чай ядовитое снадобье. Лишь сам он и Гао-цин сидели как ни в чём не бывало. Потом даос сказал:

- Господин губернатор! Я хочу забрать всё золото и серебро у ваших людей и вернуться на родину, чтобы открыть торговлю лекарствами, - и он стал складывать вещи в холщовый мешок. Гао-цин огляделся - все его спутники лежат отравленные, никто сопротивления оказать не может. Ему только и оставалось громко расхохотаться и позволить даосу уйти вместе с награбленным.

Много прошло времени, пока отравленные не стали приходить в себя. Сила яда ослабла, но не слишком, так что когда они поднялись, наконец, на ноги, то смогли лишь спуститься с горы. Заночевали в крестьянском доме у подножия.

На другой день добрались до дому, и Гао-цин наказал сыновьям быть осмотрительными в выборе спутников для прогулок.

(142) Мой покойный батюшка в начале годов Шао-шэн познакомился с Мэн Цзаем, отцом императрицы. В то время у Тайлина ещё не было наследника, и он однажды посетил дворец Цзинлингун, чтобы возжечь там курения. Его сопровождали все придворные. Вдруг Мэн Цзай испустил тяжёлый вздох. Кто-то спросил его, в чём дело, и Цзай отвечал:

- Все ждут наследника трона, а вот подойдёт срок, и родится принцесса!

Вернувшись /из дворца/, батюшка рассказал об этом домашним и добавил:

- Мэн Цзаю не суждено долго пребывать в богатстве и знатности!

Так и произошло. Мэн Цзай в конце концов был отправлен от двора.

(145) Мой покойный батюшка родился в десятый день восьмой луны года *моу-цзы* под девизом Цин-и (1048). Восемнадцати

лет от роду он просил включить его в число членов училища Гуан-вэньгуань.

Однажды, будучи на берегах реки Бяньхэ, батюшка услышал о некоем Чжане, умеющем предсказывать судьбу по звуку голоса. Батюшка, исполненный почтения, тотчас нанёс ему визит.

Лишь батюшка, /войдя/, кашлянул, как Чжан тут же сказал:

- О, да мы старые знакомые! Два десятка лет не встречались.

Батюшка про себя усмехнулся - что за ерунда! Узнав же, где батюшка родился, Чжан сказал:

- Ну, конечно, вы, господин - сын министра Чжу!

Батюшка опешил, а Чжан продолжал:

- В день двойной девятки восьмого года под девизом Цин-ли ваш отец был удостоен назначения на пост министра и устроил по этому случаю пир. На завтра я пришёл к нему с поздравлениями и узнал, что в тот день исполнился ровно месяц со дня вашего рождения! Меня пригласили на праздник по этому случаю. Министр Чжун велел показать вас гостям, и мне так понравился ваш голос, что я до сих пор не забыл его. Считая на пальцах - прошло /с того времени/ семнадцать лет!

И ещё он сказал:

- На этих экзаменах успеха не добьётесь, а вот через шесть лет будете первым в Поднебесной!

Ни в одном слове Чжана не было ошибки. И сейчас на Бяньхэ тоже встречаются "Чжаны, Слышащие Голос", присвоившие себе это некогда славное имя.

(146) Когда в детстве я вместе с матушкой жил в Чанчжоу, в то время прославился там гаданием по книгам *сюцай* Цянь. Он узнавал фамилии в трёх поколениях, фамилии жён для мужей и фамилии мужей для женщин и всё безошибочно. Моя старшая сестра вышла замуж в семью У, а потом ещё раз - в семью Шэнь, но Цянь по своим книгам определил, что фамилия её мужа - У, и все тогда удивлялись этой ошибке. Но вот через несколько лет сестра получила от Шэня развод, была отправлена домой и её просватали за У Куань-фу. Непонятно, как гадание могло попасть прямо в точку! Людей ведь так много, неужели иероглифы в нескольких книгах говорят о каждом?!

(148) Когда Вэнь Лу-гун был в Бэйчжоу, ему там гадал на бирках некий Хуан Дянь. На куске узорного шёлка он написал: "В девяносто два года счастливо скончается". Шёлк хранился в доме Вэня.

С двадцати восьми лет господин стал служить, управлял Чэнду; в сорок два года усмирив злодеев в Бэйчжоу; когда ему бы-

ло за пятьдесят, сделался первым министром. Господина никогда не понижали в должности, даже удержанием из жалования не наказывали. В начале годов Юань-ю господин был назначен на пост главного разбирающего дела по военному ведомству и долго служил на этом посту, а потом получил посты наставника императора, генерал-губернатора Хэдуна и ещё товарища первого министра. Он поселился в западной столице.

В первый год под девизом Шао-шэн (1094) господину исполнилось девяносто два года, и за своевольные мысли он был понижен до поста младшего опекуна наследника престола. Из хэнаньского управления к нему послали чиновника за секирой и жезлом, но господин немногим более чем через месяц умер.

(149) Хэ Чжи-чжун /был в семье/ пятым. В юности его однажды взяли к предсказателю, погадать о будущем. Гадальщик спросил:

- Вы в семье уж не пятый ли?

- Да, - отвечал Хэ. Гадальщик хлопнул в ладоши, громко рассмеялся и объявил, что у Хэ необычайная судьба:

- Радостное событие ждет вас, господин, всякий раз, когда вы столкнётесь с числом пять!

На пятый год Син-нин (1072) Хэ был рекомендован в столицу на экзамены и в списке выдержавших значился пятым по счёту. В пятьдесят пять лет был приближен к высочайшей персоне, на пятый год Чун-нин (1106) был назначен первым министром. Каждое перемещение по службе или рождение ребенка у Хэ было или на пятый год, или в пятую луну, или на пятый день. Так сбылось предсказание.

(150) Ци Шань из области Хучжоу в конце годов Цзя-ю (1056-1063) увидел во сне человека с нефритовой табличкой в руках. Человек показал Ци таблицу. Там было сказано: "При таком-то владыке ты выдержишь экзамен". Ци всё время обсуждал этот сон с родными.

В годы Чжи-пин (1064-1067) на трон взошёл новый император, но имя его не совпадало с увиденным во сне, и Ци сказал, что сон - не вещий. Но вскоре на престол взошёл Шэнь-цзун, и его имя точно совпало с /предсказанным/. Земляки Ци, знавшие эту историю, решили, что /во сне к нему/ являлся дух.

Но Ци не попал в число рекомендованных на экзамены и очень переживал. Вдруг пришёл указ о продлении испытаний на год и освобождении от экзаменационной процедуры. В Хучжоу освобождён был только один Ци, и на следующий год, минуя провинциальные экзамены, он получил учёную степень.

(152) Сыну Цая Юань-ду вдруг открылось, что в предыдущем рождении он жил в семье Ван из Даньяна области Жуньчжоу. /Цай/ навелstil Ванов и всё подтвердилось. Ещё была жива бывшая жена его сына. Мальчик встретился с ней и заговорил как со старой знакомой. А восьми или девяти лет он постепенно втянулся в мирскую жизнь и мало-помалу забыл о прошлом.

У Ли Сань-ли из Юнцю родилась дочь, Сяо-ши. В возрасте нескольких лет она вдруг сказала:

- Я - Го-фу, сын Лэй Цзэ, начальника уездной тюрьмы в Хуаннани области Хуанчжоу, семнадцати лет отроду заболел и умер!

Торговцы скотом из Юнцю часто бывали в Хуанпи. Они навели там справки, и оказалось, что такой Лэй действительно существует. Потом он и сам приехал посмотреть на Сяо-ши. Та, лишь увидев Цзэ, назвала его своим отцом. В восьмой год Чжэн-хэ (1118) Сяо-ши приехала в Хуанпи, рыдая, обняла свою прежнюю мать. Несколько раз она заговаривала о былом с тамошними жителями, ни в чём не ошибаясь.

(154) Служитель императорского храма предков Чжу был родом из Аньцзи, что в области Хучжоу. В своё время, когда он путешествовал в Чичжоу, даос Чжан с горы Шишань вручил Чжу лист белой бумаги и велел отыскать "чернобрового".

- У него тушью пропитана наколка на бровях. Он ещё часто ходит вместе с нищими, - объяснил даос.

Позже Чжу в родном селе увидел однажды в толпе нищих человека с именно такой наколкой и подозвал его. Чернобровый поначалу стал браниться, а когда Чжу показал ему бумагу, что дал даос, улыбнулся и спросил:

- Всё ли благополучно у почтенного Чжана?

До того всё лицо у него было в слюнях и грязи, он казался таким бедным, просто умирал от голода; а вот улыбнулся - и стал одухотворённым, возвышенным, совсем не тронутым мирской суетой человеком, знатным по виду!

- У тебя нет, как говорится, святой кости, - сказал нищий Чжу. - Ты богат, так что искусства жёлтого и белого для награды будет недостаточно. Но я владею секретом, с помощью которого можно продлить срок жизни!

Он научил Чжу своему секрету и ушёл.

С тех пор Чжу стал много есть и пить и сорок лет подряд совсем не старел. В год И-ю под девизом Чун-нин (1105) он заболел, нанял лодку и отправился в Усин повидать Лю Тао, а Лю в то время как раз собрался в Сиань, и они разминулись. Тогда Чжу позвал

к себе скорее дядю Лю - И-чжуна и передал способ "чернобрового" ему, а потом велел разворачивать лодку и плыть домой. И-чжун после этого сильно окреп. О каком способе долголетия идет тут речь - неизвестно.

(155) Жао Гун из Фучжоу, ещё до того, как сдал экзамены, повстречал некоего последователя учения Будды, который сказал ему:

- Ваша судьба сложится совершенно так же, как у Цуя, нынешнего судьи области Жуньчжоу!

Жао ему не очень-то поверил. Но вот в возрасте сорока лет он, по милостивому распоряжению двора, был послан помощником начальника в область Жуньчжоу, а этой областью как раз в то время управлял мой покойный батюшка.

Через год с небольшим после вступления в должность Жао в своей резиденции обнаружил вырезанный на камне список помощников начальников этой области и среди них - имя судьи Цуя! Там ещё было пояснение: "Власти даровали должность юаньвайлана, вступил в должность тогда-то, разжалован тогда-то". Вспомнив о том, что ему когда-то было сказано, Жао велел разыскать старейшего /в управлении/ чиновника и спросил его, что стало с тем Цуем после отставки.

- После того, как ему на смену прибыл /другой чиновник/, Цуй поехал в Янчжоу и там скончался, - отвечал старик.

Жао пришёл в волнение. Тут как раз ему пришло повеление об отставке. Мой покойный батюшка, узнав обо всем этом, приложил все старания, чтобы помочь Жао, но тому так и не удалось избежать судьбы.

(157) Передают, что раньше очень много было рыцарей-поборников справедливости. А ныне о них не слышно. Покойная мать рассказывала мне о происшествии с Чжан Да-цином из Чанчжоу. Не о таком ли это человеке-рыцаре?

В своё время Чжан приобрёл служанку лет тридцати с небольшим. Она хоть и не блистала красотой, но её облик и суждения выдавали человека необычного. С собой служанка принесла плетёный из ивовых прутьев сундук, крепко перевязанный верёвкой. Она всё время повторяла, что сундук нельзя открывать.

Через десять с чем-то дней Чжан заметил, что служанки нигде нет. А среди ночи она вдруг впрыгнула откуда-то сверху в окно! Чжан про себя удивился, но ничего не сказал.

Прошло больше года, и служанка родила дочь. Чжан же, приготовившись заранее, подождал, пока она уйдёт, открыл её

сундук и стал смотреть. Оказалось, что там хранится короткий меч, чёрная безрукавка - и все.

Вернувшись, женщина поняла, что /её сундук открывали/ и, разозлившись, крикнула:

- Почему вы не послушали меня!

Она схватила безрукавку, накинула на себя, потом взмахом меча отрубила голову дочери и внезапно взвилась ввысь. Чжан кинулся было за нею, но женщина уже пропала. И до сего дня в семье Чжанов приносят ей жертвы на домашнем алтаре, и там же хранится её ивовый сундук.

(158) /Вера в/ духа Цзы-гу, о котором с древности идут легенды, особенно расцвела в последнее время. В начале годов Сюань-хэ культ этот запретили, и только тогда всё прекратилось.

Я сам однажды наблюдал, как вызывали Цзы-гу. Её дух чертит палочкой для еды, привязанной к веревке, которую за концы держат двое, а если прикрепить к палочке кисть, то тогда дух может и на бумаге писать. Цзы-гу отвечает на заданные вопросы. Себя она называет "Великой святой с Пэнлая", и её сопровождает множество девушек и юношей, и один из них, по имени Бо-чжун, весьма искусно пишет иероглифы, а в игре в шахматы среди людей ему нет равных.

Когда я был в Наньхае, то повстречал там некоего человека, одетого, как находящийся не у дел конфуцианец. Он умел вызывать Цзы-гу, и в моём кабинете Цзы-гу сложила мне такие стихи:

"Книжную мудрость всю вы постигли

с древних до наших времён.

Основа тому - не только талант, но трудолюбие тоже.

Ныне коль феникса сын вас призовет в свой чертог,

Повсюду великое умиротворение воцарится вмиг!"

Тот человек писать не умел, так что без вмешательства духа, конечно, не обошлось. Но странно: когда другие, не знающие грамоты люди, вызывают Цзы-гу, она не пишет, а лишь выводит причудливо изогнутые линии на золе или песке. Почему бы это?

(160) Помощник министра Чжан Шэн начинал службу в налоговом ведомстве. Поговаривали, что в казённом помещении ведомства обитает нечистая сила. Чиновники там ночевать не осмеливались.

Но вот прибыл туда Чжан Шэн. Он в одиночестве заночевал в присутствии. После полуночи вдруг кто-то как схватит его за ногу - а пальцы ледяные! Чжан тут же вскочил, обошёл всё здание до са-

мого верха и снова улёгся... Так повторялось четыре раза. Тогда Чжан притворился спящим и внезапно схватил пристававшего. Наощупь показалось, /что он держит/ огромную волосатую руку. Чжан в страхе зажмурился ещё крепче и вцепился в эту руку изо всех сил. Прокричал петух, и /существо/ заговорило человеческим голосом - сначала голос гремел как гром, потом сделался тише.

- Вы дослужитесь до поста помощника министра, будете давать советы императору. А я и так страдаю. Сжальтесь, отпустите меня! - услышал Чжан, но не обратил внимания. Он вдруг почувствовал, что волосатая рука стала тоньше. К рассвету она вовсе исчезла. После этого чудеса прекратились.

Чжан часто наставительно говаривал:

- Вот /я тогда/ ночью глаз не открыл - и не испугался.

Муж моей старшей сестры раньше был зятем Чжана и поведал мне об этом случае по-родственному. Тут всё правда!

(161) В год *гуй-чоу* под девизом Си-нин (1073) мой покойный батюшка держал экзамены. Сын Неба сперва хотел присудить ему первое место, но, под влиянием фаворитов, отдал батюшке лишь второе. Дедушка был этим очень недоволен.

Один старый буддийский монах с горы Даотаншань в Хучжоу сказал дедушке:

- Здесь человек не властен! Гора Даотаншань находится в южной части вашей области, а гора Вэньбишань (Литературного Мастерства) - самая низкая в области, так что тут не может появиться первейший в Поднебесной!

Монах этот жил подаяниями. За горой Даотаншань он соорудил пагоду, издалека она напоминала формой кисть. Закончив строительство, монах сказал местным жителям:

- Через тридцать лет /из вашей области/ выйдет чжуань-юань!

Цзя Ань-чжай в годы Да-гуань (1107-1110), Мо Чоу в годы Чжэн-хэ (1111-1117) друг за другом стали на экзаменах первыми в Поднебесной. Случай с моим родственником - чистая правда.

(164) Мой дедушка жил к западу от областного города в Хучжоу. Вокруг усадьбы он устроил сад и насадил там фруктовые /деревья/. Одна слива была особенно хороша. А в доме жила тётушка. С детства она любила поесть. И поскольку тетушка пользовалась особым расположением /дедушки/, никто другой не смел собирать плоды с той сливы. Домашние прозвали дерево "слива тётушки".

Через несколько десятков лет семья дедушки обеднела и не могла уже содержать это имение. Тётушка вышла замуж за Дин

Взя, который в то время стал крупным чиновником, получил в управление округ и разбогател. Дин купил те земли и построил поместье. Тетушка была ещё в добром здравии. По-прежнему она собирала сливы с того самого дерева.

(161) Супруга Цзин-гуна, госпожа У, была болезненно добродетельна. Она опасалась не только за свою чистоту, но переживала и за других. Когда-то, в бытность супругов в Цзяннине, пришло время выдавать замуж старшую дочь. Госпожа на радостях приготовила в подарок зятю одежды из тонкого узорного шёлка - всё вещи редкие и ценные. Но вдруг оказалось, что в сундуки, куда сложили одежду, залезла кошка и спит там! Госпожа кликнула служанку, приказала взять все вещи, отнести за купальню и бросить там без употребления. Вещи гнили, но никто не осмеливался взять их.

Когда мой покойный дедушка дошёл до крайней бедности, принял отставку и потерял жалование, то все деньги стал тратить на вино. Сыновья его ходили бедно одетые. Мой покойный батюшка, вспоминая об этом с болью, всё своё жалование раздавал братьям и родственникам, а себе из него за всю жизнь не скопил ни монетки. Дядья мои жили только за счёт его милостей, иных средств к существованию не имели. В старости /батюшка/ был разжалован. Содержание ему платить перестали, и родственники были в ужасе. Все пять моих дядёв и сам батюшка потеряли источник средств. Вот я и думаю, что если бы моего деда и Цзин-гуна поменять местами, тогда вряд ли госпожа У стала бы проявлять такую щепетильность!

(167) Передают, что если у женщины родится существо похожее на беса (*гуй син*), и та, исполняясь отвращения, убьёт его, то бес улетает, а по ночам возвращается пить материнское молоко, и от этого женщина сильно недужит. В народе /такого беса/ зовут *хань ба*. Хань ба бывают женского и мужского пола, девочки таскают вещи из дома, а мальчики наоборот - приносят чужие.

Чу Юй-ши (Хэ-фу) был знаменитый учёный и прекрасный лекарь. Знатные люди наперебой приглашали его к себе. Чу же, по характеру человек независимый и свободолюбивый, терпеть не мог аристократов. Когда кто-то из знати приглашал его для врачевания, Чу заламывал такую непомерную цену, что и помыслить страшно, а все полученные /таким образом/ деньги тут же раздавал нуждающимся. Выше прочих Хэ-фу ставил Хуан Тин-цзяня /по прозвищу/ Шань-гу и как-то заметил: "Шань-гу такой почтительный сын, я преклоняюсь перед ним". Если у Хэ-фу случалась хорошая тушь, отборная бумага или какая-то удивительная безделушка, он

непременно отсылал их Шань-гу. Шань-гу даже сказал однажды некоему придворному: "Чу Хэ-фу для меня всё равно что мальчик хань ба". При этом присутствовал некто, пострадавший от /поборов/ Хэ-фу: "А для моего дома он - всё равно что девочка хань ба!"

(170) Когда Ван Дэ-юн стал министром, его за смуглый цвет кожи прозвали "чёрный министр". Однажды он состязался с северным послом в стрельбе из лука. Посол попал в цель. Чёрный министр достал стрелу со стальным наконечником и одним выстрелом расколол его стрелу. В народе стрелу прозвали "раскалывающей древки".

Яо Лин, тоже превосходный стрелок, десять лет служил начальником дворцовой стражи и на состязаниях по стрельбе из лука неоднократно удостоивался высочайших наград.

В начале годов Чун-нин Ван Энью посчастливилось занять место начальника дворцовой стражи. Он не упражнялся в стрельбе и каждый год на состязаниях выходил в числе слабейших.

/Однажды/ актёры в высочайшем присутствии давали представление. Сначала вышел один, со стрелой в руках и сказал: "Раскалывающая древки стрела чёрного министра. Продаётся за три миллиона монет". Потом появился другой, с большой стрелой в руках, и сказал: "Не знающая поражений стрела старого Яо. Продаётся за три миллиона монет". Потом два актёра вкатили целую тележку стрел и сказали: "Тележка стрел. Каждая - по монете". "А чьи это стрелы, что так дёшево?" - спросил кто-то. "Не достигающие цели стрелы Ван Эня", - был ответ.

(175) В годы Юань-ю жил один сановник, не буду называть его имя. Отец его был послан с понижением в должности в Чжужуй и умер там. Гроб с телом остался непереvezённым на родину.

И вот сановник, достигнув знатности, пересёк море с тем, чтобы забрать гроб. А уже прошло несколько десятков лет, и никто не знал, где его искать. В буддийском монастыре, правда, хранилось несколько гробов, но в них были лишь сухие кости и никаких указаний на то, чьи они.

Тогда сановник взял первый попавшийся гроб, отвёз на родину и захоронил рядом с останками матери. Позже выяснилось, что он увёз по ошибке гроб с останками какого-то монаха.

В начале годов Шао-шэн про это говорили: хочешь поступить благородно, так не проверив, - не делай!

(183) Шань Ко, второе имя Цунь-чжун, служил в академии Ханьлинь, а также в провинции и прославился.

На старости лет он женился на женщине из рода Чжан, злобной и жестокой. Цунь-чжун не мог с ней совладать и, бывало, она

ругала и била его, и таскала за усы по земле так, что вырывала волосы - с кровью и мясом. Дети рыдали, видя это, поднимали /отца/ на ноги, но Цунь-чжун ни разу на жену даже не крикнул. Моя вторая младшая сестра вышла замуж за его сына Цин-чжи, и злобная Чжан стала выживать её. Она выгнала старшего сына Цунь-чжуна - Бо-и, родившегося от прежней жены. Узнав, что Цунь-чжун время от времени делает сыну подарки, Чжан взбеленилась ещё больше, стала наговаривать на Бо-и, будто он лелеет злые помыслы и вообще невежественен, так что Цунь-чжун в наказание отослал сына в Сючжоу. ещё Чжан временами являлась в присутственное место /где служил Цунь-чжун/ и, расхаживая там, во всеуслышание поносила своего супруга, и все стремились убраться прочь и не попадаться ей на дороге.

Покойный батюшка, узнав обо всём этом, очень испугался за судьбу моей сестры и забрал её обратно домой.

Цунь-чжун более десяти лет не служил, и лишь в начале годов Шао-шэн вновь испросил назначение и получил пост заведующего дворцовыми храмами. Тут госпожа Чжан заболела и умерла, и все бросились поздравлять Цунь-чжуна, но он был очень опечален и не находил себе места. Проплывая в лодке по Янцзыцзяну, он даже хотел броситься в воду, но сопровождающие удержали. Горе его было так велико, что скоро Цунь-чжун оставил службу. Удивляются: всю жизнь Чжан причиняла ему столько горя, но вот он освободился от такого несчастья - что ж горевать? Я же полагаю, что злобная ревность этой женщины была вовсе не такой обыкновенной, и после смерти душа её продолжала быть связанной с Цунь-чжуном.

(184) Жена Ху Цзун-фу, госпожа Чжан, была очень ревнива. В годы Юань-фэн господин Ху служил в столице, и моя матушка часто бывала в их доме.

Однажды у стола прислуживала, поднося вино, девица по имени Юнь-ин. Хозяин и она переглядывались и улыбались друг другу. Заметив это, госпожа Чжан исполнилась к девушке ненависти. Почувствовав нехорошее, Юнь-ин той же ночью повесилась в отхожем месте. Домашние в испуге доложили об этом, но госпожа Чжан продолжала пить вино как ни в чём ни бывало. Матушке всё это не понравилось, и она вернулась домой.

А на другой год вдруг заболела любимая дочь госпожи Чжан. Голосом повесившейся служанки она стала выговаривать ей:

- Из-за тебя я умерла, а тебе и дела было мало; узнав о моей смерти, как могла ты продолжать есть, пить и веселиться?! Теперь

муж твой непременно умрёт, и все твои дети последуют за ним, и род твой не продолжится - вот отмщение за мои страдания!

Вскоре после этого Цзун-фу умер, госпоже Чжан пришлось покинуть столицу и вернуться в Чанчжоу. Все три её сына тоже умерли. Так она и жёны сыновей стали вдовами.

Саму госпожу Чжан в преклонные годы поразил недуг - она всё металась на ложе и жалобно стонала, не могла сама есть и пить, а когда вспоминала о своём поступке, то лишь беззвучно лила слёзы. Так она мучалась добрый десяток лет, прежде чем умерла.

(185) Ван Шао, будучи на службе в Сихэ, злоупотреблял там казнями. На склоне лет, управляя Хунчжоу, он обратился к учению Будды.

- В прошлом я не знал истины, - сказал он однажды старейшине буддийской общины Цзу-синю, - и совершил немало преступлений. Теперь же истина мне открылась. Как искупить мне свои проступки?

Цзу-синь отвечал:

- Предположим, бедняк взял в долг, потом разбогател. Кредитор пришёл за долгом. Надо ли отдавать?

- Конечно, - отвечал Ван.

- Ну, а если вы познали истину, почему же кредиторы должны прощать вам долги?

Вскоре Ван, поражённый недугом, скончался.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод избранных фрагментов из сборника Чжу Юя продолжает начатую мною ранее работу по изучению сунских авторских сборников *бицзи*¹. Неполнота предложенного перевода определяется, главным образом, рамками настоящего издания, а также репрезентативностью отобранных фрагментов: давая общее представление о сборнике Чжу Юя, они, в то же время, по форме и содержанию характерны для многих сунских сборников *бицзи*.

Несколько слов о самом сборнике и об его авторе. Дошедшие до нас сведения относятся, в основном, к его отцу. В официальной биографии отца Чжу Юя, Чжу Фу (朱服) говорится, что второе имя отца было Син-чжун (行中), а родом Чжу Фу происходил из Учэна, что в области Хучжоу (совр. пров. Чжэцзян). Как пишет сам Чжу Юй, его отец родился в 1048 г. Он сделал типичную для китайского книжника карьеру, т.е. выдержал все экзамены, получил высшую учёную степень цзиньши (в 1073 г.) и стал служить. Чжу Фу занимал различные посты при дворе - состоял в свите императора, в цензorate, был чжичжигао (императорским секретарём по делам назначений на должности). Карьера Чжу Фу не всегда складывалась гладко, и он несколько раз получал назначения в провинцию, может быть, более доходные, но удалённые от двора: он управлял областями Лучжоу (1091 г.), Шоучжоу, Юаньчжоу, в 1102 г. был назначен главнокомандующим в Гуанчжоу².

Юные годы его сын Чжу Юй (朱彧) провёл с матерью, госпожой Ху в Чанчжоу (совр. пров. Цзянсу)³, потом отец, получив назначение, перевёз семью в Кайфэн, позже - в Лайчжоу и Жуньчжоу (Цзянсу). В начале годов под девизом правления Чун-нин Чжу Фу служил в Гуанчжоу, и воспоминания об этом периоде жизни нашли яркое отражение во второй цзюани сочинения его сына, пожалуй, самой впечатляющей и значимой части книги.

¹ См.: И. А. Алимов. Предварительные сведения о "Кратких речениях из Бэймэн" Сунь Гуан-сяня (?-968). - XXI Научная конференция "Общество и государство в Китае" (НКОГК). М., 1990, т. 1; он же. Сун Ци и сборник "Записки господина Сун Цзин-вэня". - XIII НКОГК. М., 1991, т. 1; Он же. О сборнике *бицзи* Ван Дэ-чэня. - "Письменные памятники и проблемы изучения культур народов Востока" (ППИПИКНВ), вып. XXV (в печати); Он же. Юань Хао-вэнь (очерк). - Человек, философия, культура : вып. 1: Культуры в диалоге. Екатеринбург, 1992; Он же. О сборнике "Высокие суждения у дворцовых ворот" Лю Фу. - "Петербургское Востоковедение". СПб, 1992, вып. 2.

² Подробнее см.: История династии Сун, цз. 347; также см.: Сунджэнь чжуаньцзи цзыляо соин (Указатель биографических материалов лиц, живших при Сун). Пекин, 1988. Т. 1, с. 573.

³ По поводу родни по материнской линии Чжу Юй написал: "Чанчжоуские Ху - мои родственники по матери. У-пин (второе имя Ху Шэ - И. А.) первым занял пост министра, у кормила власти его сменил Цзун-юй, а Цзун-хуэй, Цзун-ши, Цзун-янь и И-сю занимали посты в гражданском и военных ведомствах. Четыре сына Цзун-жи одновременно служили инспекторами в провинциальных управлениях. Состояние семьи Ху возросло несказанно. На юго-востоке их прозвали "богатые и знатные Ху" (Чжу Юй. Пинчжоу кэтань, - Чэнь Ши-дао. Хоу-шань таньцун. Чжу Юй. Пинчжоу кэтань. Шанхай, 1989, с. 57). Кроме того, в "Пинчжоу кэтань" есть сведения и о других родственниках Чжу Юя: об отце и матери упоминается в 28-и фрагментах, говорится о троюродных дядях, о старшей сестре и её муже и пр. (подробнее см. также Указатель лиц..., помещенный после настоящих примечаний).

На склоне лет Чжу Фу поселился с семьей в Хуангане, купил там поместье и назвал его "Пинчжоу" (萍洲). Чжу Юй, приняв поместье во владение, выбрал себе псевдоним "Пинчжоу лаопу" - "Старый огородник из Пинчжоу", отсюда и происходит название "Пинчжоу кэтань", которое следует, видимо, буквально переводить как "Достойное упоминание (из собранного) в Пинчжоу". В. А. Вельгус предложил другой перевод названия: "Из бесед в Пинчжоу", более удачный⁴.

Первое упоминание о сборнике Чжу Юя содержится в библиографии сунского Чэнь Чжэнь-суня (1190-1249), где в одиннадцатой цзюани сказано: "Пинчжоу кэтань", три цзюани, написал усинский Чжу Юй, /второе имя/ У-хо (無或), сын чжуншу шэжэня (секретаря государственной канцелярии - И. А.) Фу, /второе имя/ Син-чжун. Предисловие /датировано/ первым годом Сюань-хэ (1119) (ныне предисловие утеряно - И. А.). /Чжу Юй/ взял псевдоним Пинчжоу лаопу - это, вероятно, от названия места в Гуанчжоу, где он жил. Об этом есть в "Циань чжи" ("Сведения о Циани"), но там вместо Юй стоит Хо (或), и второе имя - У-хо (無惑). Неясно, где правда."⁵ Это, пожалуй, самые полные сведения о "Пинчжоу кэтань", относящиеся к сунскому времени. В сунской династийной истории сказано лишь: "Чжу У-хо, "Пинчжоу кэтань", три цзюани"⁶. Эти же сведения повторяют "Вэнь сянь тункао" Ма Дуань-линя (1254?-1323) и другие библиографии.

Судя по имеющимся в сборнике датам и по сведениям Чэнь Чжэнь-суня, сборник "Пинчжоу кэтань" был закончен Чжу Юем не ранее 1118-1119 гг. Этого же мнения придерживался и В. А. Вельгус⁷.

Позже сборник был, видимо, утерян и сохранился в отрывках. Более подробные сведения об истории текста в позднейшее время содержатся в "Сыку цюаньшу тияо": "Пинчжоу кэтань", три цзюани, написал сунский Чжу Юй, второе имя Юя - У-хо (無惑) из Учэня. Книга эта в "Вэньсянь тункао" числится /как содержащая/ три цзюани, а минский текст, вошедший в изданное Шан Цзюнем (XVII в.) "Бай хай"... - содержит немногим более пятидесяти фрагментов, не наберётся и одной цзюани. У Тао Цзун-и (XIV в.) в "Шо фу" - и того меньше. Видимо, долгое время текст сей был утрачен. Цзюнь и другие собрали вместе извлечённое из прочих сочинений с тем, чтобы хоть в таком виде сохранить единый текст, но ни у кого из них не получилось трёх полных цзюаней. И только в "Юн-лэ да дэнь" ("Большой свод годов Юн-лэ") разрозненных фрагментов оказалось настолько много, что, выбрав их и сведя воедино, мы и получили вновь текст в три цзюани.

⁴ В. А. Вельгус. Средневековый Китай. М., 1987, с. 7.

⁵ Чэнь Чжэнь-сунь. Чжи-чжай шулу цзети (Аннотированный каталог Чжи-чжая). Шанхай, 1987, с. 334.

⁶ Сунши и вэнь чжи (Сведения о литературе и искусстве из сунской династийной истории). Шанхай, 1957, с. 126.

⁷ Краткая словарная статья В. А. Вельгуса для "A Sung Bibliography" (HongKong, 1978, р. 333-334; то же по-русски см.: В. А. Вельгус Средневековый Китай..., с. 7-8) и предисловие Ли Вэй-го к последнему изданию текста сборника Чжу Юя (Чжу Юй. Указ. соч., с. 1-6) - единственные работы, посвященные специально "Пинчжоу кэтань".

Фрагменты эти были приведены в порядок и сброшюрованы так, дабы /текст/ приблизить к первоначальному виду”⁸.

Современное издание текста выполнено шанхайским издательством ”Гу-цзи чубаньшэ” в серии ”Сун Юань бицзи цуншу” на основании цинских списков, критически обработанных Ли Вэй-го (李偉國).

Таким образом, сборник ”Пинчжоу кэтань” состоит из трёх цзюаней, которые включают в себя 187 фрагментов (ещё два добавлены в приложение - они восстановлены Ли Вэй-го по ”Юн-лэ дадянь” и ”Сун хуэйяо цзигао”). В составе сборника преобладают бессюжетные короткие заметки, редки сюжетные отрывки и полностью отсутствуют крупные сюжетные произведения. По содержанию большинство фрагментов первой цзюани сборника посвящено тем или иным сторонам жизни и обычаям служилого сословия, его высших слоёв и даже императорской семьи. Здесь более всего говорится (и богато иллюстрируется примерами) о принятых в сунское время установлениях для чиновников, разъясняется смысл тех или иных названий учреждений, должностей, рангов, иерархических структур. Уже традиционные китайские библиографии отмечали уникальность этих сведений⁹.

Вторая цзюань сборника наиболее ценна для исследователя содержащимися в ней сведениями о юге сунского Китая: в первую очередь, о Гуанчжоу и об ”иностранном квартале” этого города, о таможенной службе, о налогообложении для торговцев, о мореходстве, о нравах и обычаях тамошних жителей. Сведения эти весьма любопытны, а о некоторых вещах мы узнаем впервые именно из сборника Чжу Юя: например, о применении компаса на китайских морских судах¹⁰.

Третья цзюань сборника - вполне традиционна для сунских бицзи и содержит, главным образом, записи случаев с чиновниками, современниками Чжу Юя или его отца, вполне продолжающие традицию ”Шишо синьюй” (”Новые повествования нашего века”).

Цзюань первая

(1) Правый историк - так в сунское время по традиции продолжали называть должность *цицзюй шэжэнь*. В годы Юань-фэн и позже (с 1067 г.) в обязанности исполняющего её чиновника входило постоянно находиться при особе императора и записывать высочайшие речения для последующего составления хроники царствования.

Шэнь-цзун - см. Список упоминаемых в тексте сунских императоров.

Область Чучжоу - см. Список географических названий.

(3) Повышение в ранге - в сунское время в Китае существовало девять рангов для чиновников, каждый ранг включал в себя от двух до четырёх степеней. Подробнее

⁸ Чжу Юй. Указ. соч., с. 70.

⁹ Чжу Юй. Указ. соч., с. 71

¹⁰ На это обратил внимание и В. А. Вельгус (Вельгус. Средневековый Китай..., с. 8). Раньше всего о компасе и правилах его употребления сказано у Шэнь Ко (1031-1085) в ”Мэнси битань” (”Заметки из Мэнси”), а о применении компаса на морских судах - у Чжу Юя.

см., например, : Чжунго гудай гуаньчжи. Бо Чжэн бян (Система чиновничества в древнем Китае. Сост. Бо Чжэн). Пекин, 1989.

Шумиши Ху Шэ - Ху Шэ (996-1067) незадолго до смерти, в 1061 году был назначен на пост *шумифуши* - заместителя начальника Высшего военного совета страны. См. Указатель лиц...

(7) Ляо - государственное образование киданей, существовало с 916 по 1125 г.

(11) Цзя-ван - имеется в виду Чжао Хао, младший брат императора Шэнь-цзуна (Юй-лина, от названия его усыпальницы Юнъюлин).

(12) Лин-шо - имеется в виду сунский министр Чжао Лин-шо.

Цзя-ван - т. е. Чжао Се, третий сын императора Хуэй-цзуна.

Дэншилан - почетный титул чиновника девятого ранга второй степени.

(15) Дун-по - великий сунский поэт Су Ши (1037-1101), один из литературных псевдонимов которого - Дун-по Цзюйши.

Сыху цаньцзюнь - областной чиновник, заведовавший подворными списками населения, сбором налогов и их хранением.

(17) Система *тицзюй* была учреждена для укрепления власти на местах, *тицзюй сюэши* (сы) занимался делами образования в масштабах провинции, области, уезда; должность существовала с 1103 по 1121 г. *Тицзюй чанпин* (*гуань*) ведал управлением сельским хозяйством.

(20) *Чаофэнлан* - почётный титул чиновника шестого ранга первой степени.

Чаоцинлан - почётный титул чиновника седьмого ранга первой степени.

Шибу шаншу - Ведомство чинов в Кабинете Министров страны.

(24) *Чжичжигао* - чиновничий пост в придворной академии Ханьлиньюань, в обязанности такого чиновника входил надзор за составлением черновиков императорских бумаг.

Либу шаншу - начальник Ведомства церемоний в Кабинете Министров.

(29) Движение к прежнему - имеются в виду реформы, предложенные двору министром Ван Ань-ши (1021-1086): ирригация в сельском хозяйстве, ссуды крестьянам под будущий урожай, освобождение от трудовых повинностей, обмер полей и др.. В 1074 г. Ван Ань-ши под давлением противника реформ Сыма Гуана (1019-1086) был смещён с поста, реформы приостановлены и возобновлены лишь в 1093 г.

(31) *Гунбу шаншу* - начальник Ведомства общественных работ в Кабинете Министров.

(32) Ван Цзин-гун - Ван Ань-ши, которому в своё время был пожалован титул Цзинго-гуна.

Восточное Управление - так в сунское время называли Государственную Канцелярию (*Чжуншюшэн*) и Совет Двора (*Мэньсяшэн*).

Правление из-за занавеса - здесь: период с 1086 по 1093 г., когда страной фактически управляла вдовствующая императрица Гао (1032-1093), регентша при малолетнем императоре после смерти Шэнь-цзуна.

Управление *Сулисо* - было учреждено в 1086 году для разбора и пересмотра дел чиновников, поступивших с 1068 по 1085 год - в период проведения реформ Ван Ань-ши.

Год гэн-чэнь - 1100, в этом году на трон взошёл новый император Чжао Цзи (1092-1135).

(36) *Мэнься шилан* - заместитель начальника ведомства в Совете Двора.

(38) Цай Юань-ду - сунский сановник Цай Бянь (1058-1117), второе имя которого было Юань-ду.

(40) *Шидафу* - после Тан (VI-IX вв.) и в сунское время так называли высших и средних чиновников.

Даошюань (Даолуюань) - управление, ведавшее вопросами, связанными с даосским учением, даосами и т. п.

(43) Янь Юань-сян - второе имя Янь Шу (991-1055).

Божественный отрок - в сунское время среди подростков младше пятнадцати лет проводились специальные экзамены в несколько этапов на знание канонических сочинений и умение слагать стихи. Самым последним экзаменатором был император. Выдержавшие экзамен получали титул *шэньтун* - "божественный отрок" и могли быть пожалованы должностями при дворе и т.п.

(52) Цзы-чжань - второе имя поэта Су Ши.

(57) Академия *Ханьлиньюань* - придворное учреждение, ведавшее составлением указов, династийных историй, хроник царствования и т. д. В состав Ханьлиньюань входили чиновники, отличившиеся знаниями, эрудицией. Основной должностью в Ханьлинь была должность *сюэши* (ученый муж).

(60) Ван Цзе-фу - второе имя Ван Ань-ши.

Императрица Мэн (1073-1131) - внучка минчжоуского (Хэбэй) Мэн Юаня, стала императрицей в 1092 году, но вскоре её супруг охладел к ней и даже сослал в буддийский монастырь, где Мэн и пробыла до его смерти.

Цикада - учение чань следует воспринимать как намёк на это.

(64) Связка монет - медные монеты в старом Китае имели в центре четырёхугольное отверстие для нанизывания на шнурок - в связку. Единицей счёта и обращения выступала, как правило, именно связка.

Цзюань вторая

(65) Лянчжэ - сунская провинция, в годы Си-нин (1068-1077) была разделена на две части - восточную (Чжэдун) и западную (Чжэси). Располагалась на территории современной провинции Цзянсу и Чжэцзян. Под "тремя провинциями" ниже имеются в виду Чжэдун, Чжэси и Фуцзянь.

(66) *Цзинь* - мера веса, около полукилограмма.

(67) *Чжан* - мера длины, около трёх с половиной метров.

Доу - мера объёма, около десяти литров.

Дух Фэнлун (Фэнлун-шэнь) - божество облаков, иначе - Юньчжунцзюнь.

(68) Гуйну - старое китайское название местных жителей Наньхая, переселенцев с близлежащих островов и стран.

(69) Страна Тан - т. е. Китай. Эпоха Тан - время бурного расцвета китайского государства и культуры, отсюда и иносказание. Оно, кстати, распространено и в наши дни, в том числе, среди китайцев, живущих в эмиграции.

(70) Памятная дощечка - атрибут парадной придворной одежды чиновника, изготавливалась из слоновой кости или из дерева, в зависимости от ранга чиновника. На такой дощечке делались тезисные записи доклада или полученных распоряжений.

(76) "Маха маюра раджня сутра" - "Царственная сутра павлина", тантрический текст, содержащий набор мантр и примеры их применения.

(85) "Рецепты Бо Ци" ("Бо Ци фан") - сочинение сунского Ван Гуня (XI в.), который, судя по тому, что сказано в предисловии, более двадцати лет собирал травы и занимался врачеванием. Из известных ему тысячи с лишним рецептов Ван для этой книги отобрал около пятисот самых лучших, из которых до наших дней дошло триста.

(94) Чжан Гуай-яй - второе имя сунского министра Чжан Юна
Ху - мер объёма, немногим более пятидесяти литров.

(108) Отметить большой доской - т. е. на воротах его дома была повешена специальная доска с специальной надписью, возвещающей о добродетелях и заслугах.

(115) Китайцы издревле верили в волшебные свойства лис, были широко распространены представления о лисице-оборотне, принимающей облик прекрасной девы и очаровывающей мужчину. См. в связи с этим мою работу в этом же сборнике, с. 228-252.

(126) *Цилинь* - мифическое существо, появление которого в мире людей считалось благовещим признаком.

(130) Змея *чжишэ*, или двухголовая змея. В "Критических рассуждениях" Ван Чуна (27-97) содержится эпизод из жизни чуского министра Сунь Шу-ао (VI в. до н.э.), в малолетстве убившего такую змею, раскаявшегося и ставшего впоследствии министром. См: Ван Чун. Лунь хэн. Шанхай, 1990, с. 59.

Цзюань третья

(136) Сыма Вэнь-гун - посмертное имя Сыма Гуана.

(137) Фу Чжэн-гун - в 1062 году сунскому министру Фу Би (1004-1083) был за заслуги пожалован титул -Чжэнго-гуна.

(140) Эр-лан - обожествлённый и как божество чрезвычайно популярный сын Ли Бина (III в. до н.э.), знаменитого ирригатора времён Борющихся Царств.

(141) Испросить своё бренное тело - т.е. подать прошение об отставке.

(142) Тай-лин - имеется в виду сунский император Чжэ-цзун, усыпальница которого называлась Юнтайлин.

(145) *Гуанвэньгуань* - одно из учебных заведений, входивших в состав столичного училища и управления учебных заведений страны *Гоцзыцзянь*. В Гуанвэньгуань проходили подготовку и сдавали экзамены для поступления в Гоцзыцзянь.

(146) *Сюцай* - звание, присваивавшееся учёному, выдержавшему уездные экзамены, и дававшее ему право занятия вакантного чиновничьего поста.

(148) Вэнь Лу-гун - сунский сановник Вэнь Янь-бо (1006-1097), в 1058 г. пожалованный титулом Лу-гуна. В Бэйчжоу он принимал участие в подавлении восстания Ван Цзэ (?-1048).

(154) Нет святой кости - т. е. не суждено стать бессмертным.

Искусство жёлтого и белого - алхимические способы превращения камней и предметов в золото и серебро.

(155) *Юаньвайлан* - почётная, сверхштатная должность начальника отдела в ведомстве, не дававшая реальной власти.

(157) Рыцари-поборники справедливости - частые персонажи танских новелл *чуаньци*, имевшие, видимо, прототипов в реальной жизни: это владеющие боевым искусством или даже обладающие волшебными свойствами люди, выше всего в жизни ставящие долг и справедливость, а не богатство и знатность. Как правило, они странствуют, ничем не выдавая своих свойств или устремлений, и наводят по своему разумению справедливый порядок; часто это тайные мстители. Нередко описания их деяний натуралистичны и кровавы (например, поедание мяса с головы убитого негодяя и т.п.) В сюжетной прозе *сяошо* один из первых таких мстителей появляется у Гань Бао (кон. III-перв. пол. IV вв.) в "Записках ополска духов" ("Соу шэнь цзи"). - См.: Пурпурная яшма. Китайская повествовательная проза I-VI вв. М., 1980, с. 157-159.

(158) Цзы-гу - из разных источников известно, что легенда о духе Цзы-гу восходит к образу девушки по имени Хэ Мэй (второе имя Ли-цин), жившей при Тан, во времена У Цзэ-тянь (на троне 690-705), и попавшей служанкой в дом некоего Ли Цзина, жена которого, увидев, что Ли-цин молода и красива, стала её всячески изводить и довела до самоубийства. Ли-цин повесилась ночью пятнадцатого дня первого лунного месяца в отхожем месте. По указу У Цзэ-тянь Ли-цин была объявлена Цзэ-шэнь - духом отхожего места. Со временем её обожествили как духа, пишущего ответы на вопросы кистью на бумаге или палочкой на золе (крупе и пр.) Подробнее, а также другие варианты легенды о Цзы-гу см.: Ма Шу-тянь. Хуася чжушэнь. Пекин, 1990, с. 347-353. О поклонении Цзы-гу впервые см.: Лю Цзин-шу. И юань. - У Цзэн-ци. Цзю сяошо. Шанхай, 1958, т. 1, разд. цзя эр, с. 113. О гадании Цзы-гу см. впервые: Шэнь Ко. Синь сяочжэн Мэнси битань. Пекин. 1958, с. 213-214.

Пэнлай - один из трёх островов (другие два - Инчжоу и Фанчжан), на которых, согласно легенде, живут бессмертные.

Феникса сын - речь, видимо, об императоре.

(161) Речь идёт о геомантической системе *фэншуй* - способе гадания по рельефу местности, занимавшем до недавнего времени одно из центральных мест в жизни традиционного китайского общества на континенте. Первое в КНР монографическое исследование "фэншуй" увидело свет в 1990 г.: Хэ Сяо-тин. Фэншуй таньюань (Истоки фэншуй). Нанкин, 1990.

Чжуаньюань - такое звание получал первый из трёх выдержавших высший экзамен в столице, первый в Поднебесной (Тянься - средневековое название Китая).

(167) Существо, похожее на беса - *гуй син*; слово *гуй* (досл. "душа умершего") имеет достаточно много русских переводных эквивалентов, варьирующихся в зависимости от контекста. Здесь: некое отвратительное, по виду принадлежащее к тёмным силам, обладающее вредоносными свойствами существо. Скорее всего, просто уродец.

Хань ба - досл. "демон засухи". Сведения о нём встречаются ещё в "Книге Песен" ("Ши цзин"). В "Книге божественного и необычайного" ("Шэнь и цзин") о нём сказано: "В южной стороне есть человек в два-три чи ростом, нагой, глаза - на макушке. Бегаёт быстро, как ветер. Имя ему *ба*. В стране, где он появляется, настает

большая засуха, земля краснеет на тысячи ли..." (Тай-пин юй лань. Пекин, 1963, т. 4, с. 3921). По поводу происхождения названия см. "Книгу гор и морей" ("Шань хай цзин"), где сказано, что Ба - имя небесной девы, дочери императора Хуан-ди, спустившейся на землю и поразившей Чи-ю жаром, но не сумевшей вознестись обратно и оставшейся жить на земле - "там, где поселилась она, дождь не шёл" (Шань хай цзин. Чэнду, 1985, разд. Дахуан бэйцзин, с. 66-7а).

Приложения

1

Указатель лиц, упоминающихся
в тексте сборника "Пинчжоу кэтань"

Ань Тао 安壽, 29.*

Ван, женщина из Цинчжоу, 135.

Ван Ан (1090-?) 王昂, 12.

Ван Ань-ли (1034-1095) 王安禮, 27, 131.

Ван Ань-ши, Цзе-фу, Шуго-гун, Цзинго-гун, Шу-ван (1021-1086) 王安石 介甫 舒國公 并國公 舒王, 15, 32, 49, 60, 115, 133, 139, 143, 165, 166, 172.

Ван Гуй (1019-1085) 王珪, 4, 32.

Ван Гэ 王革, 14.

Ван Дэ-юн (987-1065) 王德用, 170.

Ван Мэй 王梅, 55.

Ван Тин-ли 王庭鯉, 35.

Ван Цзюнь 王迥, 39.

Ван Чжэнь, Цзы-фа 王震 子發, 16, 153.

Ван Шао (1030-1081) 王韶, 185.

Ван Ши-лян 王士良, 85.

Ван Энь 王恩, 170.

Ван Янь 王儼, 121.

Вэй Бу 韋陟, 54.

Вэнь Цзи-фу, шестой сын Вэнь Янь-бо 文及甫, 173.

Вэнь Янь-бо, Луго-гун (1006-1097) 文彦博 潞國公, 15, 14, 173.

Гань Нин, полководец (III в.) 甘寧, 105.

Гао Ю 高佑, 14.

Го Сян-чжэн 郭祥正, 111.

Го Цзинь 郭進, 178.

Дин Вэй (966-1037) 丁維, 164.

Дин Сянь-сянь 丁先現, 169.

Дин Шэн-вэй 丁生微, 96.

Ду, "божественный отрок", 杜, 45.

Ду Фу (712-770) 杜甫, 50.

Ду Янь, Ци-гун (978-1057) 杜衍 祁公, 138.

Дун, помошник инспектора 董, 96.

Е Тао 葉濤, 115.

Жао Гун 饒珙, 155.

Кэ Шу 柯述, 171.

Лан Чжун-хоу 郎忠厚, 180.

Ли, жена У Чуна 李, 34.

Ли Ан 李昂, 147.

Ли Дуань-юань (?-1091) 李端愿, 127, 140.

Ли Сань-ли 李三禮, 152.

Ли Си-цзя 李熙假, 163.

Ли Сяо-ши 李小師, 152.

Ли Чжан 李章, 177.

Ли Чжань 李展, 114.

Ли Чун 李充, 151.

Ли Ши 李詩, 163.

Линь Си 林希, 30.

Лу Гун-фэн 盧供奉, 93.

Лэй Хэн-фу 雷亨甫, 152.

Лэй Цзэ 雷澤, 152.

* Цифра обозначает порядковый номер фрагмента сборника, в котором фигурирует данное лицо.

Лю, житель иностранного квартала в Гуанчжоу, 86.
Лю, из Лайчжоу, 120.
Лю И 劉誼, 172.
Лю Тао 劉燾, 154.
Лю Чжи (1030-1097) 劉塾, 4.
Лю Чан (942-980) 劉鋹, 11.
Лю Тин-цзюнь 柳庭俊, 163.
Люй Гун-чжу (1018-1089) 呂公著, 4, 7.
Люй Да-фан (1027-1097) 呂大防, 4.
Люй Хуэй-цин, Цзи-фу (1032-1111) 呂惠卿 古甫, 19, 26, 30, 49, 163.
Люй Цзя-вэнь 呂嘉問, 25.
Люй Юань 呂淵, 26.
Люйцю Пятнадцатый 閻丘十五, 95.
Лян Ши-чэн (?-1126) 梁師成, 12.
Ляо-юань, буддийский монах 了元, 33.
Ма Юй-цин 馬餘庶, 17.
Ми Фу (1051-1107) 米芾, 147.
Мо Чоу (1084-1164) 模儔, 161.
Мэн, императрица 孟 (昭慈聖獻皇后), 61.
Мэн Цзай 孟在, 142.
Пань Гуань 潘觀, 97.
Се Ань, Ань-ши (320-385) 謝安 安石, 60.
Су, инспектор из Цзинчжоу, 59.
Су Го, (1072-1123), внук Су Ши, 蘇過, 88.
Су Е 蘇掖, 179.
Су Сун (1020-1101) 蘇頌, 4.
Су Чжэ, Цзы-ю (1039-1112) 蘇撤 子由, 29, 88.
Су Ши, Цзы-чжань, Дунпо цзюйши (1036-1101) 蘇軾 子瞻 東坡居士, 15 18, 29 30, 51, 52, 61, 80 84, 87, 88, 89, 90, 111, 162, 176.

Сун Юн-чэнь 宋用臣, 122.
Сунь Вэй, Ци-фу 孫偉 奇甫, 54, 125.
Сунь Цюань (182-252) 孫權, 89.
Сунь Шу-ао 孫叔敖, 130.
Сыма Гуан, Вэньго-гун (1019-1089) 司馬光 溫國公, 4, 5 136.
Сюй, мастер кистей, 42.
Сюй Фэнь (1079-1133) 許份, 42.
Сюй Цзян (1037-1111) 許將, 42.
Сюн Бэнь 熊本, 131.
Сюэ Ан 薛昂, 19, 42.
Сюэ Шан-ю 薛尚友, 42.
Сян Цзун-чуань 向宗傳, 132.
Тун Гуань (1054-1126) 童貫, 24.
Тэн Цзун-минь 滕宗閔, 132.
Тянь, солдат, 53.
Тянь Ван 田望, 110.
У, муж старшей сестры Чжу Юя 吳, 146.
У, супруга Ван Ань-ши 吳, 165, 166.
У Куань-фу 吳寬夫, 146.
У Чоу 吳儔, 29.
У Чун, Чун-цин (1031-1080) 吳充 冲卿, 33, 34.
У Чу-хоу 吳處厚, 55, 58.
Фан Су 方素, 29.
Фань Чжи-суй (?-1129) 范致虛, 29.
Фу Би, Чжэн-гун (1004-1083) 富弼 鄭公, 137.
Фэй Лао 費老, 147.
Фэн Цзун-дао 馮宗道, 36.
Ху И-сю 胡奕修, 163.
Ху Цзун-фу 胡宗甫, 184.
Ху Цзун-хуэй 胡宗甫, 163.
Ху Цзун-чжи 胡宗質, 163.
Ху Цзун-ши 胡宗師, 163.
Ху Цзун-юй 胡宗愈, 163.
Ху Цзун-янь 胡宗炎, 163.
Ху Цзун-яо 胡宗堯, 3.

- Ху Шэ, У-пин (996-1067)
胡宿武平, 3, 163.
- Хуан Дянь, гадатель 黃璣, 147.
- Хуан Тин-цзянь, Лу-чжи,
Шань-гу (1045-1105) 黃庭堅
魯直山谷, 9 117, 167.
- Хуан У-гао 黃無咎, 97.
- Хуан Фу-го 黃輔國, 163.
- Хуанфу Чао-гуан 皇甫朝光, 88.
- Хэ Да-чжэн 何大正, 147.
- Хэ Чжи-чжун, Жунго-гун,
Цинюань-цзюньван (1044-1117)
何執中榮國公清源郡王, 15, 37, 149.
- Цай Бянь, Юань-ду (1058-1117)
蔡卞元度, 8, 36, 85, 152.
- Цай Сяо 蔡絛, 14.
- Цай Тао 蔡絛, 14.
- Цай Цзин, Юань-чан, Цзяго-
гун, Вэйго-гун, Чуго-гун, Луго-
гун (1047-1126)
蔡京元長嘉國公衛國公楚國公魯國公,
5, 15, 19, 27, 40, 163.
- Цай Цзин-фань 蔡景藩, 43.
- Цай Цюэ, Чи-чжэн (1037-1093)
蔡確持正, 4, 39, 58.
- Цай Шу 蔡絛, 14.
- Цай Ю (1077-1126) 蔡攸, 5, 14,
19.
- Цао Цао (155-220) 曹操, 89.
- Цао Цзянь-бо 曹監簿, 177.
- Цзе Цзы-туй 介子堆, 92.
- Цзоу Хао, Чжи-вань (1060-
1111) 鄒浩志完, 18, 28, 87.
- Цзэн Бу (1036-1107) 曾布, 4, 15,
28, 31.
- Цзу-синь, буддийский монах 祖心,
185.
- Цзя Ань-чжай 賈安宅, 161.
- Цзя Гун-гунь 賈公袞, 40.
- Цзян Тан-цзо 姜唐在, 162.
- Цзян Цунь-чэн (?-1210) 蔣存誠,
163.
- Цзян Чжи-ци (1031-1104)
蔣之奇, 33.
- Ци Шань 戚山, 150.
- Цуй, инспектор, 155.
- Цуй Бай 崔白, 131.
- Цы-бэнь, буддийский монах 慈本,
56, 62.
- Цюй Тань 瞿曇, 70.
- Цюй Юань (340?-278?) 屈原, 92,
93.
- Цянь Ан 錢昂, 163.
- Цянь Лю (852-932) 錢鏐, 53.
- Цянь Юй, Дэ-сюнь (1050-1121)
錢通德循, 31, 174.
- Чао-юнь, наложница Су Ши 朝雲,
84.
- Чжан, богач 張, 13.
- Чжан, крестьянин 張, 139.
- Чжан, даос 張, 154.
- Чжан, жена Шэнь Ко 張, 183.
- Чжан, жена Ху Цзун-фу 張, 185.
- Чжан Да-цин 張大卿, 57.
- Чжан Дунь 章惇, 4, 26, 27, 36,
42.
- Чжан Кэ-гун, Цзянь-янь
張克恭建言, 20.
- Чжан Тин-шэн, гадатель 張聽聲,
145.
- Чжан Тянь 張佃, 42.
- Чжан Цзюй 張巨, 163.
- Чжан Чи 章持, 42.
- Чжан Шэн, Гао-цин (992-1077)
張昇杲卿, 144, 160.
- Чжан Юн, Гуай-яй (946-1015)
張詠美崖, 94.
- Чжан Янь 張紘, 168.
- Чжао Лин-тань 趙令郛, 9.
- Чжао Лин-шо 趙令鑠, 12.
- Чжао Нян 趙諗, 182.
- Чжао Се, Цзя-ван 趙楷嘉王, 12.
- Чжао Хао, Цзя-ван 趙顥嘉王, 11.
- Чжао Цзи 趙濟, 172.

- Чжао Цзун-хань 趙宗漢, 9.
Чжао Цзун-чэн, Цыпу-ван (1031-1095) 趙宗晟 嗣漢王, 9, 10.
Чжао Юнь-жан, Аньи-ван (995-1059) 趙允讓 安懿王, 9, 10.
Чжао Янь-чэнь 趙延臣, 182.
Чжу Бин 朱炳, 108.
Чжу Гун, И-чжун, Цзи-фу 朱肱 翼中季父, 28, 135, 154.
Чжу Линь, дед Чжу Юя 朱臨, 145, 161, 164, 166.
Чжу Фу, отец Чжу Фу 朱服, 1, 2, 7, 8, 16, 18, 24, 29, 36, 47, 49, 52, 58, 62, 82, 84, 100, 103, 107, 109, 131, 142, 145, 155, 161, 166, 183.
Чжу Цзю-чжун 朱久中, 121.
Чжу Чжай-лан 朱齋郎, 154.
Чжу Ши-ин 朱世英, 57.
Чжугэ, мастер кистей 諸葛, 114.
Чжун Чжэн-фу 鍾正甫, 87.
Чуюй Ши, Хэ-фу 初虞和甫, 97, 167.
Чжэн И-нянь 鄭億年, 42.
Чжэн Ся (1041-1119) 鄭俠, 47.
Чжэн Цзюй-чжун (1059-1123) 鄭居中, 42.
Чжэн Юнь-чжун 鄭允中, 24.
Чэн Ань-ю 成安遊, 114.
Чэн Кань 程藝, 144.
Чэн Чжан 盛章, 14.
Чэнь Цзюй 陳舉, 163.
Чэнь Янь 陳彦, 53.
Ши Цзе 施結, 54.
Шу Дань (1042-1104) 舒亶, 18, 32, 56, 151.
Шэнь Бо-и 沈博毅, 143.
Шэнь Гоу (1028-1067) 沈遘, 128.
Шэнь Ко, Цунь-чжун (1029-1093) 沈括 存中, 183.
Шэнь Цин-чжи 沈情直, 146, 183.
Шэнь Янь-сы 沈延嗣, 93.
Шэнь Цзун-цзе 慎宗傑, 109.
Юань Гу 袁穀, 176.
Юань Ин-чжун 袁應中, 38.
Юнь-ин, служанка Ху Цзун-фу 雲英, 184.
Юй Чжун 余中, 149, 163.
Ян Дин-чэнь 楊鼎臣, 171, 188.
Ян Цзе 楊傑, 134.
Янь Тянь-сюань 顏天選, 12, 40.
Янь Шу, Юань-сянь (991-1055) 晏殊 元獻, 43.
Яо Лин 姚麟, 170.
Яо Ю 姚祐, 48, 124.

2

Упомянутые в тексте перевода сунские императоры

- Жэнь-цзун - Чжао Чжэнь (1010-1063), на троне с 1022 по 1063 г.
Шэнь-цзун - Чжао Сюй (1048-1085), на троне с 1067 по 1085 г.
Чжэ-цзун - Чжао Сюй (1077-1135), на троне с 1086 по 1100 г.
Хуэй-цзун - Чжао Цзи (1082-1135), на троне с 1100 по 1126 г.

3

Список географических названий, упоминающихся в тексте перевода

Бэйчжоу - Хэбэй.*	Хэян - Хэнань.
Гаоли - древнее царство на территории Кореи.	Цзинчжоу - Хубэй.
Гуаннань - Юньнань.	Цзиньлин - г. Нанкин.
Гуанчжоу - Гуандун.	Цзэчжоу - Шаньси.
Даши - Арабский Халифат.	Цзяннань - земли к югу от Янцзы.
Дунлай - Шаньдун.	Цянин - Цзянсу.
Жаочжоу - Цзянси.	Цюнгауань - Гуандун.
Жуньчжоу - Цзянсу.	Чанчжоу - Цзянсу.
Инчжоу - Гуандун.	Чжаньчэн - Сычуань.
Линьхай - Чжэцзян.	Чжуай - Гуандун.
Лучжоу - Аньхой.	Чжэньла - раннекамбоджийское государственное образование.
Лянчжэ - Цзянсу, Чжэцзян.	Чжэньчжоу - Сычуань.
Ляньчжоу - Гуанси-чжуанский автономный район.	Чичжоу - Аньхой.
Мянь - Хубэй.	Чуньян - Хубэй.
Наньцзюнь - Хубэй.	Чучжоу - Цзянси.
Пэнчжоу - Сычуань.	Чэньчжоу - Хунань.
Саньфосы - (Палембанг, Шривиджайя), Суматра.	Шаошишань - Хэнань.
Сиань - Ганьсу.	Шоучжоу - Аньхой.
Синго - Цзянси.	Шучжоу - Шаньдун.
Суншань - Хэнань.	Шуйнань - Цзянси.
Сюаньчжоу - Аньхой.	Шэчжоу - Аньхой.
Усин - Фуцзянь.	Юнцю - Хэнань.
Фучжоу - Цзянси.	Янчжоу - Цзянсу.
Хайнань - Гуандун.	
Хуанпи - Хубэй.	
Хуанган - Хубэй.	
Хуанчжоу - Хубэй.	
Хучжоу - Чжэцзян.	
Хуэйчжоу - Гуандун.	
Хэдун - Сычуань.	

* Название современной провинции, на территории которой располагалась указанная местность.

I. Alimov.

Materials on the History of the Song *biji*:

Zhu Yu. "Pingzhou ketan"

此篇文章之提目是宋代朱彧的[萍洲可談]¹。
筆者繼續研究宋代筆記。初次在俄國翻譯
與注釋[萍洲可談]¹的一部分。